

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

ВЫСТРЕЛ ИЗ ПРОШЛОГО

Михаил НЕСТЕРОВ

Михаил Нестеров

Выстрел из прошлого

Серия «Спецназ ГРУ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172338

Михаил Нестеров. Выстрел из прошлого: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-27222-8

Аннотация

Прозвище Парфянин не зря было дано Виктору Инсарову. Командир группы спецназа ГРУ обладал редчайшим умением стрельбы по-парфянски, которая не оставляла сопернику никаких шансов. Кто бы мог подумать, что спустя многие годы его противниками станут бывшие подчиненные-спецназовцы, а главным врагом – генерал ГРУ Тараненко. Именно он приказал убить Виктора и его возлюбленную Ольгу. Но гнусный приказ был выполнен наполовину, Парфянин остался жив... Месть – это блюдо, которое лучше подавать холодным. Виктор нетороплив и спокоен. Вместе с тем он уверен, что время парфянского выстрела пришло, в этой истории пора ставить точку...

Содержание

Часть I	6
1	6
2	19
3	31
4	38
5	41
6	45
7	50
8	58
9	60
10	74
11	83
12	87
13	91
14	95
15	100
16	103
17	109
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Михаил Нестеров

Выстрел из прошлого

Чем наглее и неправдоподобнее ложь, тем скорее в нее поверят.

Йозеф Геббельс

«Вендетта – так называемый на острове Корсике обычай кровной мести. Вендетта обыкновенно направляется против обольстителя покинутой женщины, убийцы близкого родственника, доносчика и лжесвидетеля, показания которого привели к осуждению невинного к смерти или каторжным работам. Обыкновенно созывается военный совет, на котором всесторонне обсуждается обида, средства возмездия и даже возможность примирения. Обсуждения и переговоры иногда длятся месяцы и годы. Когда вендетта решена, тогда подробно обсуждается ее форма и решается, на кого будет возложено исполнение»...

Из статьи «Вендетта», «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» (1890—1907).

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое их сходство с действительными лицами чисто случайное. Имена, события и диалоги не могут быть истолкованы как реальные, они – результат писательского творчества. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не сле-

дует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

Часть I

В АВГУСТЕ 84-го...

1

Афганистан

Они потеряли машину на обратном пути, уничтожив конвой и забрав партию героина, оставив на месте перестрелки восемь трупов. Независимые от снабжения, транспорта, условий, диверсанты тем не менее стали заложниками «УАЗ-469» гражданской версии, самой непригодной, наверное, машины для передвижения здесь, где властвует горячий юго-западный ветер, прозванный «афганцем», и несет с собой пыль, песок, мелкие камни, дует порой до двух месяцев подряд.

Прежде чем открыть капот и попытаться устранить неисправность, Еретик развязал платок, который отфильтровывал пыль и песок, и смачно сплюнул.

– Здесь лафа, – приятным голосом, которому мог позавидовать диктор радио, проговорил он, смочив горло водой из фляжки. – А что сейчас творится в Кандагаре? Там за полста градусов зашкаливает. Сам видел, как чертов «афганец» закручивал смерчи. Однажды вынул пачку сигарет из кар-

мана, а ее смерчем – фьють, – диверсант присвистнул, изобразив рукой спираль, ввинчивающуюся в небо. – На броню бэтээра однажды помочился. Так моча сразу скатывалась, как с горячего утюга, и парила, блин, парила... Хорошо, что здесь влажность мизерная. А в Джелалабаде – стопроцентная. Майка после стирки сутки, двое сохнет. Чего молчишь, Парфянин?

– Жду, когда ты наговоришься, – ответил капитан лет двадцати семи, в полевой форме и панаме. – Ты сам откроешь капот или?..

– Сам, – это короткое слово Руслан Хакимов по кличке Еретик растянул, блаженно улыбаясь, словно находился не на северо-западной границе Афганистана, а на сочинском курорте. В группе он был самым старшим – тридцать лет, а погоны носил с тремя звездочками, как и большинство членов спецподразделения, базирующегося в инженерной части близ подмосковной Коломны, железнодорожная станция Голутвин.

Он был единственным в команде мусульманином, и к нему прочно прилепилась кличка Еретик. Клички были у всех, включая командира подразделения, капитана Виктора Инсарова. Но его редко называли Парфянином, чаще – просто командиром.

– Машина нам досталась – обхохочешься, – продолжал тянуть время Еретик, проведенный за рулем больше двух часов. В этот раз диверсионная группа в составе всего пяти чело-

век передвигалась на автомобиле Ульяновского автозавода, и дату выпуска можно было посмотреть под капотом: ноябрь 1973 года. То есть одиннадцать лет назад. Спустя год после того, как сошел с конвейера последний «козлик», неутомимый «ГАЗ-69» с открытым кузовом. «Уазик» позволял перевозить семь пассажиров и сто килограммов багажа. Амортизаторы у него были рычажные, а четырехцилиндровый двигатель объемом два с половиной литра был всего на семьдесят пять лошадиных сил.

Спецназовец открыл капот, из-под которого повалил густой дым: занялась прокладка и другие резиновые и пластмассовые детали в моторном отсеке.

– Сдохла, падла, – незлобиво выругался Еретик. – Движок надо менять. Где у нас ближайший автосервис?

– В Советском Союзе, – ответил, вылезая из машины, Михаил Шульгин. – Командир, сколько до ближайшего кишлака?

Инсаров был занят именно поиском на карте населенного пункта без названия, затерявшегося в районе селения Акча – километров восемьдесят до Термеза. Сориентировавшись на местности, он назвал точную цифру:

– Шесть километров. Распределим груз поровну и прогуляемся до кишлака. Может, нам повезет, и там окажется какой-нибудь транспорт.

Сто килограммов героина, расфасованного в полиэтиленовые пакеты по одному килограмму, разделили на пять ча-

стей. В итоге рюкзак каждого спецназовца потяжелел на двадцать килограммов.

Еретик шел в середине колонны и, по обыкновению, трепался:

– Как-то приютил меня афганец – лет сорока пуштун. Дал поесть, отдохнуть, расспросил, когда я собираюсь свалить из его дома. Разузнав все, пошел к соседу и сказал ему, когда мимо его дома пойдет гость. Сам-то он традиции и обычаи соблюдал, падла. Но я-то был наслышан об афганском гостеприимстве и, перепрыгнув через дувал, прошел незамеченным до соседского дома. А когда тот вышел встречать меня с автоматом, я ему кишки наружу выпустил.

– Еретик, заткнись, а? – попросил товарища Шульгин по кличке Шульц. – У меня зубы ноют от твоей болтовни.

Командир группы шел последним и не переставал хмуриться. Получалась накладка: им пришлось брать груз в Афгане, убив восьмерых сопровождающих, и срочно прибыть в Термез, где их поджидал генерал Тараненко.

Шесть километров военные преодолели за час с четвертью, экономя силы: неизвестно, найдется ли в поселке транспорт, а опаздывать на встречу с генералом не рискнул бы никто, даже по уважительной причине.

Когда до поселка осталось метров триста, капитан Инсаров велел остановиться. Оглядев в бинокль безлюдный с виду кишлак на восемь домов, с коровником и молельней в центре, он послал на разведку Еретика и Куницу, назначив

Еретика старшим пары. Спецназовцы с видимым облегчением сбросили тяжелые рюкзаки и короткими перебежками – от одного саксаула до другого, вымахавших до десяти метров в высоту, – устремились к поселку.

Пользуясь прикрытием дувала, Еретик и Куница сели, прислонившись к нему спиной, и отдышались, прислушиваясь. Из-за саманного забора до них не донеслось ни одного звука, которые выдали бы человека: ни голоса, ни кашля, ни стуков при выделке шкур. Лишь куры и петух давали знать о себе.

Еретик осторожно выглянул из-за дувала, привставая на цыпочки, поскольку оказался в небольшой ямке, и окинул взглядом первый дом и двор, где бродили куры. На его лице не дрогнул ни один мускул, когда он увидел то, на что так надеялась вся команда: копия машины, которая недотянула до пункта назначения семьдесят километров.

– Желтого цвета, похожа на цыпленка, – доложил Еретик товарищу, понаблюдав за двором. – Крыша демонтирована, так что прокатимся с ветерком. – Кто это, «непримиримые»? – спросил Руслан и сам же ответил: – Они на нас редко нападают, защищают свои кишлаки. Охраны вроде бы нет. Посмотри ты, – попросил он Куницу, – а то я ничего, кроме машины, не вижу: желто в глазах.

Кунице пришлось пройти вдоль забора метров на пятьдесят к северу. Вернулся он через десять минут с докладом:

– Там пацан лет двенадцати караулит. Пассажиры «уази-

ка», скорее всего, отдыхают в этом доме.

Еретик ретировался на предыдущую позицию и в тени саксаула, земля под которым была усеяна ветками, вызвал по рации командира. Инсаров выслушал его и велел оставаться на месте.

– Ждите нас.

Основная группа спецназовцев оставила рюкзаки на месте привала и вскоре присоединилась к паре, выбравшей идеальное место для наблюдения: по центру «зеленки» из заросли полыни выросло дерево, ближе к поселку горбатились могильные холмики.

– Возьмешь пацана, – распорядился капитан, глядя на Руслана.

– Ладно, – с готовностью отозвался «раскольник».

Виктор Инсаров не мог не думать о том, что его подчиненный убьет, скорее всего, еще одного афганца. Их с раннего детства приучают к крови, и смертью их не удивишь. Уже три года его подразделение задействуют в тайных спецоперациях – Афганистан, Пакистан, а также социалистические республики – Туркмения, Узбекистан, Таджикистан. И только в одной стране, в Афганистане, преступления совершаются с особой жестокостью и «всеобщей безнаказанностью». Пленным выкалывали глаза, отрезали гениталии, разбивали головы, причем в казни участвовали женщины и дети. И бойцам Инсарова нередко приходилось отвечать им той же монетой.

Обязанности снайпера в группе лежали на лейтенанте Ни-

ките Гурове. Но Гуров входил в состав второй подгруппы, которая обеспечивала им безопасный коридор на границе и в Термезе. Виктор Инсаров стрелял из снайперской винтовки лучше, чем штатный снайпер, который чаще всего находился рядом в качестве наблюдателя. Инсаров на эту операцию не стал обременять себя громоздкой винтовкой Драгунова, принятой на вооружение Советской армией в 1963 году. Как и остальные бойцы, он был вооружен автоматом Калашникова со съёмным глушителем, имеющим ресурс до смены мембраны до двухсот выстрелов, оснащённым специальными патронами с тяжелой пулей. Дальность прямого выстрела из «калашников» была небольшой, но в сложившихся условиях этого вполне хватало. Вот и сегодня капитан из своего автомата с оптическим прицелом положил трех из восьми «духов», сопровождающих караван с наркотиками.

Инсаров и рыжеватый Шульц остались под прикрытием полыни и саксаула, ствол которого у земли составлял обхват, и прикрывали товарищей: они тройкой перебежали к дувалу. Шульц исполнял роль наблюдателя и смотрел на верхний обрез забора в бинокль, перемещая его по горизонту.

Еретик первым коснулся дувала, как финишной ленты, и щелкнул по микрофону рации: «Я на месте». Вдвоем с Куницей они пробежали вдоль забора до того места, где минутами раньше Куница обнаружил наблюдателя; за ним неотрывно следили взгляды Шульгина и Инсарова.

Еретик снова оказался в канаве, протянувшейся вдоль за-

бора, и снова выругался: опять придется привставать на цыпочки, чтобы найти глазами мальчишку.

«Он там», – жестом показал он Кунице, когда увидел юного афганца. Тот, видимо, забыл, что ему поручили охрану, и играл на возвышении, бросая кубики и передвигая по начерченному на глине лабиринту глиняные же фигурки. Он так увлекся игрой, что не замечал ничего и никого вокруг. Все взрослые в одном доме. Там идет джирга – собрание, и там угощают трех гостей, приехавших на русской машине.

Еретик пленил его по всем правилам разведчика. Его противником был двенадцатилетний мальчик, но не устоял бы даже хорошо вооруженный, прошедший курс по системе британской специальной авиадесантной службы противник. Он зашел ему сзади, левой рукой зажал рот и нос и запрокинул его голову назад. И оглянулся, удерживая жертву намертво и словно уже никуда не торопясь, и в этот момент напомним Кунице лису, которая схватила петуха. Еретик был сильным, как бык. Он, не отпуская свою жертву, в два шага оказался у забора и перемахнул его, как будто перелетел. И снова попал в канаву. Его нога подвернулась, и он едва не выпустил пленника и не получил тяжелейшую травму.

«Ну все, пацану точно не жить», – равнодушно подумал Куница.

– Мы идем.

– Есть. Понял, – ответил Шульц, наблюдая в бинокль.

Пара – Еретик и Куница – побежала через кладбище на-

зад. Третий диверсант страховал их сзади, командир и его наблюдатель – спереди.

И лишь оказавшись под мнимой защитой «зеленки», а затем и в ненавистном овраге, что находился сразу за ним, Еретик дал волю чувствам:

– Сука! Гаденыш! Я из-за тебя чуть ногу не сломал.

Он хорошо говорил на пушту и, потратив на ругательства минимум времени, приступил к «обряду исповеди». Он отдал пленника в руки Куницы, а сам, скинув пропитавшуюся потом куртку и оставаясь в майке, накрыл курткой голову мальчика, не давая ему видеть, а дышать он мог только через «поры» ткани. Психология афганцев была ему хорошо известна: они задиристы, подозрительны, вероломны. Даже этот юнец мог быть страшен в возмездии, совершив его самым жестоким способом. Но в них неистребима одна черта: афганцы решительны в наступлении, но впадают в панику при поражении.

– Отвечай, чернозадый! – горячим шепотом, припав губами к уху мальчика, через ткань куртки приказал Еретик. – В котором часу приехала машина? Не ответишь сразу, я сверну тебе голову, как цыпленку.

– Сегодня приехала, – задыхаясь и дрожа от страха, ответил афганец.

– В котором часу, падла?

– Два или три часа назад.

– Сколько человек приехало на машине?

– Трое.

– Они вооружены?

Инсаров покачал головой:

– Бросай валять дурака! Кто сейчас не вооружен?

– Только безоружный, – лаконично ответил Еретик. И продолжил допрос: – Сколько всего мужчин в поселке, включая гостей?

– Восемь. То есть одиннадцать.

– В каком они доме?

– В доме, напротив которого стоит машина.

Допрос окончен. Мальчик хотел еще что-то сказать, но Еретик несильно ударил его открытой ладонью в висок. Тот обмяк, потеряв сознание.

– Снимаемся, – отдал приказ Инсаров, заодно информируя по рации оставшегося у забора товарища. – Куница, свяжи мальчика.

– Зачем тратить на него ремень? – Еретик взял эту проблему на себя и обнажил острый, как бритва, нож с зазубринами на обухе.

Инсаров даже не посмотрел на него. Он, гоня желваки, повторил приказ:

– Куница, свяжи мальчика.

И только после этого в упор посмотрел на Руслана. Взглядом заставил того убрать нож в ножны, покорно опустить глаза и снова взяться за автомат.

– Внимание! – подал сигнал Шульц. – Вижу цель.

Инсаров тут же взял автомат на изготовку и посмотрел в оптику.

– За забором, – давал ориентиры наблюдатель. – Между молельней и вторым справа домом.

– Вижу.

Инсаров посадил на угольник прицеливания голову «духа» с окладистой бородой и в национальном головном уборе. Тот выглядывал из-за укрытия, скорее всего, в поисках мальчика. Открыл рот, позвав его.

– Зубочистка, слева от тебя «дух», – передал по рации Шульц, взяв на себя обязанности командира и не отвлекая его. – Таращитесь на дорогу, зовет пацана.

Диверсант у дувала плотнее прижался к саману плечом. Кромсая зубами спичку, за что и получил соответствующий позывной, Мерзликин был готов снять противника из бесшумного оружия.

Душман упростил задачу снайпера, когда показался над дувалом по пояс.

– Стреляю, – по сложившейся традиции предупредил командир и придавил спусковой крючок автомата.

Он стрелял в левую половину груди противника, и пуля попала тому в сердце. «Дух» отпустил руки и завалился назад, как если бы стоял на краю обрыва и решил свести счеты с жизнью.

Теперь медлить было нельзя. Могли напороться на «духов», а могли и на своих.

Диверсанты, объединившиеся в одну группу, действовали по простой, не дающей сбоя схеме. Получив необходимую информацию, они вошли в кишлак через ворота уже через пять минут после допроса пленника. Взяв под контроль окна и двери дома из дикого камня, бойцы приготовили гранаты.

– Боулинг? – шепотом спросил Еретик.

– Боулинг, – ответил Инсаров, утвердительно кивнув.

По команде капитана они «катнули» гранаты в помещение. Эта тактика называлась «афганской зачисткой»: все вопросы задавались после взрыва или автоматной очереди. Пять гранат разорвались одновременно, снося крышу. Пять довершили начатое: в доме в живых не осталось ни одного человека.

– Путь свободен, – бросил под нос Еретик, не без удовольствия занимая место за рулем трофейного «уазика». Когда остальные спецназовцы сели в машину, он спросил: – Заедем за товаром?

– А ты как думаешь? – ответил, глядя прямо перед собой Инсаров. И добавил: – Остановишься там, где мы оставили пацана.

Еретик нажал на тормоз, не доезжая до дерева и привязанного к нему пленника метров двадцать. С этого места мальчика не было видно, но отлично смотрелся капитан Виктор Инсаров с пистолетом в опущенной руке. Он медлил по какой-то необъяснимой причине.

– Командир не отпустит его, – высказал свои мысли вслух

Еретик. – Не отпустит из милосердия. Пацану некуда идти, его родственники убиты. Он подастся в соседний поселок, возьмет в руки «калаш» и начнет мстить русским, а русские в конце концов убьют его.

Инсаров перевел флажковый предохранитель на одиночный режим огня, поднял руку с оружием и выстрелил навскидку, едва прицелившись. Вложив армейский пистолет Стечкина в кобуру, он пошел к машине. Перемахнув через дверцу, Парфянин одним расчетливым движением оказался на сиденье. Постучал рукой по дверце, поторапливая водителя:

– Поехали.

Мальчик легко снял с себя путы и выбрался из овражка. Он не видел машину, но видел пылевое облако, уносящееся вдаль. Поначалу он подумал, что этот невысокий шурави промазал, но тот еще секунду-другую смотрел на него. Значит, целился в веревку. Но как он попал в веревку с двадцати метров?..

Московская область

На подмосковной даче генерала Тараненко, которого называли самым завидным женихом в Минобороны, собрались исключительно военные с генеральскими погонами на плечах. Сейчас на плечах разгоряченных после парной офицеров разве что листья от березовых веников. Парная не впечатляла размерами, зато предбанник свободно вмещал двадцать человек. Вот и сегодня в этом обитом липовой доской помещении за длинным столом, ломившимся от свежих фруктов, шашлыков, коньяка и водки, в честь именинника тосты произносили генералы и их спутницы, недавние выпускницы институтов с военной кафедрой, прозванные «жакетками».

Порядком захмелевший генерал-полковник Звягинцев, не пропустивший ни одной рюмки, вдруг отстранился от своей молоденькой подруги с простыней, накинутой на плечи на манер туники, и приказал, заикаясь:

– Раздева-вайся!

Девушка пожалала плечиками и стянула с себя простыню. Она сегодня раздевалась сто раз. Точнее, разделась по приказу, едва перешагнула порог громадной срубовой бани, и ходила голышом париться и окунаться в бассейн, ложилась на лавку то животом вниз, то вверх. Как и остальные «жакет-

ки», с которыми она сегодня и познакомилась, лихо пила за здоровье хозяина, нацелившись на него торчащими сосками.

– Надевай форму, – отдал очередной приказ Звягинцев и, откинувшись на дубовую спинку стула, поочередно оглядел остальных девушек. – Всем надевать форму! Даю вам три минуты. – И провожал их взглядом до смежного помещения.

Гости притихли, не зная, чего дальше ожидать от примерного семьянина, любящего отца и мужа. Бывший начальник 1-го управления ГРУ отличался топорным юмором. Скорее всего, подумал Тараненко, снова чего-нибудь отколет или отрубит. Вдруг генералы притихли. За дверью раздался топот. Генерал-майор Дубин приложил к губам палец:

– Тс-с! Так могут топтать только наши жены. Товарищи офицеры, караул!

За взрывом хохота гости пропустили торжественное шествие лейтенанток, одетых в сапоги, юбки и расстегнутые гимнастерки. А под ними ничего. Точнее, сочные, как персики, молодые, почти что нецелованные груди. Кое-кто из генералов пустил слюну. Кто-то шепнул:

– Боже, какой к черту «Пентхауз»... Посмотрите на глянец наших подруг...

Все смотрели на глянец, тогда как Звягинцев, с которого простыня сползла на пол, смотрел на часы. Он первым нарушил молчание, за все спрашивая со своей «жакетки»:

– Вы опоздали на две с половиной минуты.

– Это не работа от звонка до звонка, – смело ответила она.

На что Звягинцев погрозил ей пальцем:

– Ошибаисся.

Он поднял бокал для вина, наполненный коньяком, и произнес «военно-патриотический» тост:

– За военную форму! За военную форму, которая к лицу всем. Кто не согласен, тот может поменяться со мной своей подругой.

– Я не согласен, – ответил Сергей Тараненко.

– Вижу, ты запал на мою блядь, – с грубой прямолинейностью заметил Звягинцев. – Поменяемся. Но сначала выпей. До дна, до дна. Вот так, – проследил он за именинником. – Значит, военная форма идет не всем женщинам? Посмотри на них, Сережа, – он снова уделил каждой девушке внимание взглядом и жестом руки, в которой все еще держал пустой бокал. – Посмотри и выдели ту, которой форма не к лицу. Я не призываю тебя выбрать страшилу, здесь таковых нет, не было и никогда не будет.

– Да, форма идет всем женщинам, – был вынужден согласиться Тараненко, решивший на скорую руку распутать эту проблему. Его речь отличалась связностью. Он говорил с убежденностью военного интеллигента. – Но одних военная форма действительно стройнит, подчеркивает фигуру. Именно форма подчеркивает и разницу между мужчиной, рожденным носить форму, и женщиной, рожденной...

– Стирать ее, – вставил Звягинцев.

Тараненко продолжил, несмотря на смешки товарищей:

– Более нелепого наряда не придумаешь.

– Разве он не стройнит?

– Стройнит? – Генерал взгляделся в каждое лицо, пышущее здоровьем. – Пусть так, пусть стройнит, хотя мне откровенно не нравится это определение, оно убивает что-то женское, что-то неуловимо важное, объяснить которое не по силам даже мне.

– Даже тебе?.. За это стоит выпить, – съязвил Звягинцев.

Тараненко задело за живое не выступление старшего товарища, но сама демонстрация *форм* – именно так, во множественном числе, выделил он. Он привык отвечать на выпады, а выходки старался не замечать. Он был обязан ответить, но чем? Слово «демонстрация» крепко запало в душу и не отпускало. Он знал себя: еще немного, и его ноздри раздуются от гнева на себя и всех, кто впервые, наверное, видел следы конфуза на его лице. Впервые он не смог ответить внятно, запутавшись в двух предложениях. А товарищи тем временем пили за то, что, по его словам и словам Звягинцева, «ему было не по силам». Вот ведь дурацкая ситуация. Ему, генералу от военной разведки, по силам даже то, о чем его высокопоставленные гости не догадываются.

Демонстрация...

– Одну минуту.

Тараненко вышел из-за стола. И как был в простыне, так и пошел к дому.

Вернулся он с видеокассетой. Видеомагнитофон марки

«Панасоник» – эта редкая в Союзе вещь – уже был подключен к телевизору. Он вставил в деку кассету, на которую снимал еще более редкой вещью – видеокамерой той же торговой марки.

Видеокамера. Как приятно было держать ее в руках. По сути дела, подумалось генералу, в руках умещался весь мир. Его камера неслышно «стрекотала» на вечеринках, мальчишниках, заседаниях. Копился видеоматериал, который, судя по всему, с годами превратится в хлам. Он уже начал подумывать о систематизации видеоархивов: уничтожить большую часть материалов, оставив только самое ценное. Но как же трудно пускать под ножницы свое, пусть даже не представляющее ценности. Он назвал эти колебания «мозговым бельмом». А вдруг что-то пригодится? А этого уже нет. Впору не расчищать гору мусора, а начинать его копировать: а вдруг, а вдруг, а вдруг... Так и сбрендить можно.

Эти редкие кадры, которые генерал решил продемонстрировать своим гостям, являлись уникальными и единственными в своем роде. Это была не «первая копия» (первая копия досталась главному лицу на этой кассете), а оригинал. Однажды он показал запись однокласснику – полковнику ГРУ и увидел на его лице удивление и... обездвиженность. Словно всевышний остановил время для полковника, но оно не переставало течь для генерала, обладателя и этой кассеты, и того человека, который демонстрировал перед видеокамерой свои способности.

Запись была сделана полтора года назад самим генералом. Он мог не только наделать при случае копий, но и снять второй, третий, десятый дубль, поскольку главный герой короткого видеоклипа входил в состав спецгруппы, подчиняющейся лично начальнику разведки Сухопутных войск генералу Тараненко.

Слово «Спецназ», которое обязательно писалось с прописной буквы, ничего не говорило обывателю. Подразделения специального назначения обычно шифровались группами ВДВ и под их эгидой совершали дерзкие рейды на территорию Пакистана. Они трепали бандитские группировки, оставляли караваны с наркотиками без сопровождения и поджигали. Их тактика всегда была простой: атака – отход. На угрозы они реагировали соответственно статусу диверсионного подразделения: ликвидировали любые виды угроз.

Их называли по-разному, но с одинаковым трепетом: глубинной разведкой, мастерами антипартизанской войны, диверсантами, но смысл от этого не менялся. Эти элитные группы, казалось, не имели структурного подчинения, над ними стоял кто-то невидимый, но всемогущий – это точно. Последние отзывы, все чаще доходившие до генерала, будто ласкали его слух.

Тараненко занял прежнее место за столом, пультом включил воспроизведение, скривившись от фразы, брошенной кем-то из гостей: «Еще одна порнушка».

На экране телевизора появилась центральная часть спор-

тивного зала разведбатальона Московского военного округа. Отлично прорисованная картинка, виден каждый стык на наборном полу. В центре стоит невысокий парень лет двадцати пяти в своеобразной тренировочной форме: полинялая гимнастерка и галифе времен Великой Отечественной. Босой, он похож на военнопленного. Однако плечевая упряжь с двумя кобурами под мышками рушит эту иллюзию. Кобуры без верхних клапанов, и по рукояткам можно определить тип оружия – это автоматические пистолеты Стечкина. Оператор отходит назад, меняя ракурс съемки, и тогда становятся видны мишени и укрытия на пути к ним. Укрытый в виде листов фанеры, выкрашенных в черный цвет и не превышающих габаритов человека среднего телосложения, два. Мишеней пять. Упражнение с нехитрым названием «прохождение на время». Невидимый стартер отдает команду, запуская счетчик. Спецназовец «пошел», быстрым движением выхватив пистолеты. Четыре выстрела из двух «стечкиных» поочередно, и поражена первая мишень. Стрелок естественно скользит по паркету к укрытию, где не задерживается больше мгновения. Он будто огибает его своим телом и стреляет из «стечкиных» сразу в две мишени. Находит укрытие за фанерным щитом и из-за него поражает остальные мишени. Поднимает руку вверх: упражнение завершено. Стартер останавливает время: восемь секунд.

Впечатляет. Но это упражнение, эта, в общем-то, уникальная техника меркнет перед тем, что ждет зрителей впер-

ди. Ждет и человек с секундомером; впрочем, механический прибор бесполезен. Ждут еще пятнадцать бойцов спецподразделения, расположившихся на низких скамейках. Свист пуль для них – как полет шмеля над головой обычного человека. Стены, обитые твердым пенопластом с бесчисленными следами от пуль, – как обои. Два спеца помогают товарищу установить мишени по-новому. Все готово к следующему упражнению.

Двадцатипятилетний спецназовец стоит между двумя мишенями: девять метров до передней, девять до задней. Мишени условно вооружены... но бессильны, хотя и угрожают человеку, взятому в тиски. Теперь ему никто не отдает команду. Он сам запустит внутренний хронометр с чувствительной секундной стрелкой. Вот это мгновение. И мгновенный выхват пистолета. Два выстрела слились в один. Даже рикошет пули не смог бы опередить спецназовца, который продемонстрировал уникальную технику.

Чего ждали гости от этого просмотра? Скорее всего... «продолжения банкета». Скорее бы посмотреть, что там, пусть даже «порнушка», и заняться своими подругами.

И Тараненко махнул рукой, чуть слышно бросив под нос: – Чтобы понять это, нужно смотреть трезвыми глазами.

Его услышал лишь Славка Дубин, самый молодой из компании генералов, на год моложе Тараненко; его погоны и сейчас были горячи, как свежие пирожки. Для кого-то шестеренки в военном ведомстве крутятся медленно, а для кого-то

быстро.

– Я знаю, что происходит на пленке, – сказал он. – Это так называемый «выстрел парфянина», или «парфянский выстрел», не суть важно. Идея выстрела позаимствована у лучников-парфян. Те стреляли из лука на скаку, разворачиваясь в седле в обратную сторону. Римляне ничего сообразить не могли, падая на землю, пронзенные стрелами. Скакать вперед, а стрелять назад не мог никто, только их соперники на Востоке. Я могу прокомментировать выстрел, – предложил он.

Тараненко адресовал товарищу благодарный кивок и передал пульт.

Дубин перемотал чуть назад и запустил замедленное воспроизведение.

– Что мы видим? – с менторскими нотками начал он. – Стрелок стоит по команде «вольно»: одна нога согнута в колене, руки по швам. А вот и начало движения. Теперь видно, как правая рука скользит вверх по бедрам, запястье касается кобуры. Видите, вся рука, включая плечо, изгибается, будто состоит из шарниров. Пальцы обхватывают рукоятку пистолета...

А дальше начиналось самое интересное. Начиналось со стойки, в которой спецназовец держал оружие стволом вверх на уровне плеч, указательный палец на предохранительной скобе. Назад поворачиваются корпус и плечи стрелка. Голова и бедра неподвижны. За плечами следует вооруженная ру-

ка. Оружие смотрит в сторону противника, но не точно на него, поскольку он его еще не видит. Указательный палец выбирает свободный ход спускового крючка, и в это время в сторону противника поворачивается голова. Глаза находят цель за мгновение до того, как палец дождет спуск. В это же мгновение следует «доводка» – целик и мушка совпадают на точке прицеливания. Звучит выстрел. Фактически вслепую. С конечной доводкой в финальной стадии.

– А что касается выстрела в условного противника, находящегося впереди, то его уже можно считать формальностью, а можно – условностью, – заканчивал комм Дубин, сам отличный стрелок. – Но выстрел звучит, поражая вторую цель. На это упражнение стрелок затратил не больше двух секунд.

– Точнее, полторы, – подкорректировал товарища Тараненко.

– И в этот ничтожный промежуток времени втиснулся и выхват оружия, – добавил тот. – Невероятно. Насколько я знаю, этот выстрел в том темпе, в котором он эффективен, еще никому не удавался. Просто существовала техника, которую стрелки отрабатывали исключительно в плане реакции. Короче, есть стрельба по-македонски, а есть по-парфянски.

– Но мой стрелок уложился в «эффективный темп»? – акцентировал Тараненко.

Дубин поднял руки, сдаваясь.

– Полторы секунды. И я удивлен. Если, конечно, съемка не обошлась без режима «рапид».

– Да пошел ты! – вспыхнул Тараненко.

– В этом упражнении кроется еще и психология, – постарался загладить вину Дубин. – У твоего парня есть имя?

– И даже отчество, – ушел от ответа Тараненко, – не говоря уже о фамилии. Несколько человек знают его кличку – Парфянин.

– Пусть так. Твой парень, оттачивая технику, стрелял холостыми патронами по живым мишеням?

– И не раз. Тот, что занимал место впереди, не успевал нажать на спусковой крючок. Движения стрелка будто заворачивали его, хлопок выстрела не давал пальцу придавить спуск. Я не психолог, но сравнил бы это с распространенным опытом. Когда у тебя ноги ровно стоят на полу, твою руку, вытянутую в сторону, трудно прижать к туловищу. Но стоит поставить равноценную ногу на небольшую подставку, как рука словно становится безвольной, достаточно небольшого усилия на нее, чтобы опустить.

Тараненко выдержал паузу.

– Мой парень демонстрировал не выстрел, не комплекс боевых упражнений. Это была *демонстрация* силы, превосходства, неуязвимости. Этим парням, собравшимся в спортзале разведбатальона, нет равных.

Слово взял генерал-полковник Звягинцев.

– Знаете, каждый день, который я провожу в кругу дру-

зей, на два дня продлевает мое пребывание на этой грешной земле. Но сегодняшний день и наше застолье – неприятное исключение, – с сожалением констатировал он. – Я так и знал, что генерал Тараненко все опошлит. – Звягинцев помог своей подруге снять гимнастерку. – Пойдем, продраишь мне шпиндель.

Термез, Туркменистан

Этот кабинет в войсковой части номер... Туркестанского военного округа, в котором временно разместился генерал-майор Сергей Тараненко, и в шутку и всерьез называли «гостевым». За несколько лет афганской кампании кто только не занимал его, даже командующий Оперативной группой Минобороны.

Генерал прибыл в Термез как один из лучших специалистов военной разведки по комплектованию групп специального назначения, дислоцировавшихся по восточным границам Афганистана: наиболее эффективная сила в борьбе с вооруженными отрядами моджахедов. Собственно, он обкатывал тактику антипартизанской войны. Подобная деятельность армейской разведки не афишировалась. Интерес генерала распространялся на специальные радиоэлектронные подразделения – тропосферной разведки, но прямого выхода на них у него не было. И он предпринял ряд шагов для решения этой проблемы.

Тараненко не стал обременять себя в этой поездке личным адъютантом, ему за глаза хватало расторопного дежурного по части, он и побеспокоил высокопоставленного гостя от разведки в эту минуту.

– Капитан Чиркова, товарищ генерал.

Сергей Николаевич не отрывался от бумаги, на которой что-то торопливо черкал, не меньше минуты. Наконец отложил авторучку в сторону, бумагу вложил в папку. Встал, подошел к «гостевому» сейфу с одним комплектом ключей, который кочевал от одного гостя к другому, открыл тяжелую дверцу, положил папку на полку, закрыл несгораемый ящик. Положив ключ в карман, вынул носовой платок. Стоя спиной к дежурному, вытер руки, словно запачкался о тот лист бумаги, и отпустил офицера:

– Зови.

– Слушаюсь, товарищ генерал.

Он так и представлял себе эту молодую женщину, «решение проблемы тропосферной разведки», как он назвал ее. Для ройял-флеша – туз, король, дама, валет, десятка одной масти, расклада в покере с шансом примерно один к миллиону – ему недоставало только дамы, и вот пожалуйста – довольно высокая брюнетка, военная форма которой была к лицу.

Он вдруг подумал о том, что одна из тем вечеринки не стала лишней и словно объединила тот вечер и сегодняшний день. Во всяком случае, генерал чувствовал связь. Связь тем более прочную, поскольку она распространялась на его спецгруппу, сопровождавшую его даже в краткосрочных командировках.

– Присаживайтесь. – Тараненко знал цену своему сильному и мягкому, словно обволакивающему голосу. Ему всего

тридцать четыре, в волосах ни одной седины, а он уже генерал.

Он похерил обращение «коллега», которое припас для общения с Чирковой.

– Ольга?.. – он наигранно выгнул бровь, дожидаясь ответа на немой вопрос: «Как ваше отчество?» Он знал отчества ее ближайших родственников и друзей, их имена пополнили досье капитана Чирковой, на обложке которого было выведено строгой генеральской рукой ее имя-отчество и фамилия. А вообще дело было заведено, как на заложницу. Имя. Пол. Возраст. Национальность. Цвет волос. Цвет глаз. Рост. Вес. Медицинские данные. Образование. Место работы. Интересы и увлечения. Близкие родственники. Близкие друзья. Другие данные.

Она не стала усугублять забывчивость высокопоставленного разведчика, но слегка пошатнула свою, не ответив четко на его вопрос.

– Просто Ольга.

Сергей Николаевич удивленно вскинул бровь: «Ничего себе!» – потом задорно рассмеялся.

– Чаю?

Вот сейчас он был готов услышать и принять «никулинское»: «Хорошо бы... пива». Он бы достал для нее «Жигулевского», пусть даже во всем Термезе и его окрестностях была одна бутылка.

– Было бы неплохо.

– Отлично. – Он подошел к маленькому столику, сервированному по-восточному: фрукты, лепешки, комковой сахар, чай в чайнике с длинным носиком. Он налил и подал пиалу гостю. – Вы москвичка?

– Так точно, товарищ генерал.

– Сортируете свои ответы?

– Простите?

– Я спросил: «Чаю?» – почему вы не ответили: «Так точно»?

– Боялась вас напугать.

«Я не ошибся, выбрав ее», – покивал Сергей Николаевич, по-новому взглянув на подчиненную. Но пора приступать к делу, подстегнул он себя и выбрал стиль блица.

– Вы проходите службу в батальоне связи?

– Так точно, товарищ генерал, в отдельном батальоне связи, – настойчиво дополнила она, – войсковая часть 37116.

– Где дислоцирован батальон?

– Под Кабулом – Теплый Стан.

– Круг ваших обязанностей?

– Я занимаюсь тропосферной разведкой.

– То есть, говоря проще, перехватываете переговоры «духов».

– Так и есть.

– Давно под Теплым Станом?

– С 1982 года.

– Два года уже, – покивал он. – Командир батальона майор

Кнышев?

– Да.

– Вы нашли ответ на вопрос, почему вас вызвал лично начальник разведки рода войск?

– Никак нет. Полагаю, это связано с моей службой.

– Правильно полагаете. Что вам сказал комбат Кнышев, узнав о моем распоряжении? Но прежде ответьте на вопрос, что вы знаете обо мне.

– Майор Кнышев назвал вас лучшим специалистом, о котором он слышал, по силовой разведке. Узнав, что вы распорядились командировать меня в Термез в ваше личное распоряжение, комбат сказал: «Расскажешь потом, как все было».

– Вижу, вы не робеете.

– Мужчина, может быть, и заробел бы, товарищ генерал.

– Я ни на миг не забываю, что вы – женщина. – Тараненко прошелся по кабинету, на одной из стен которого были вывешены портреты членов политбюро, машинально похлопал себя по карману в поисках сигарет. Привычка. Он больше года не курит, а досадные порой мелочи вроде этой не забываются. И замечаются окружающими: Чиркова протянула ему пачку «Явы».

Генерал вынул сигарету, вдохнул ее аромат, маскируя за ним мысленную и желанную затяжку, прошел за стол и поместил сигарету в стакан с карандашами, глянул на Чиркову: «Вот так».

– Я сказал, что командировал вас в свое личное распоряжение, – это правда. Тем не менее вы вернетесь в расположение части, вернетесь к своим обязанностям. На связи с вами будет мой поверенный, назовем его связником, он проходит службу в Министерстве обороны Афганистана. Знаете, где это?

– Так точно. Это в районе Дар-уль-Аман, неподалеку от штаба 40-й армии.

– Отлично. Вы информированный человек. Я вас введу в курс дела. О проделанной работе будете докладывать связнику.

– Какого рода работа потребуется от меня, разрешите узнать?

– Ничего, что выходило бы за рамки ваших служебных обязанностей. – Тараненко откинулся на спинку стула, достал карандаш и покатал его по столу. – Разве что более внимательно отслеживать переговоры «духов» и оперативно – я повторяю: оперативно – докладывать связнику.

– Ясно.

– О нашей встрече будете молчать. Комбату Кнышеву вы скажете следующее. Генерал Тараненко предложил вам место в штабе Сухопутных войск, вы отказались. Готовьтесь услышать: «Ну и дура». Я так не думаю, иначе на вашем месте сидел бы кто-нибудь другой... более сговорчивый, – нашел он замену слову «неумный». – Но я вам обещаю продвижение по службе. Итак, суть задания. Меня в первую очередь

интересует информация о встречах моджахедов на территории Туркменистана...

Афганистан

Ольга Чиркова вернулась в расположение батальона, проделав недолгий путь на грузовом самолете над горами и пустынями Афгана. Эта местность смотрелась с высоты иначе, не была такой унылой, угнетающей. Высота придавала ей стремительность, вдыхала в ее иссушенное тело жизнь, что навевало мысли о Возрождении с большой буквы. Не без доли равнодушия Ольга подумала: «Этого события придется ждать очень долго». Усмехнулась: «Скорее я окажусь под крылом генерала».

Она почему-то не поверила ему. Он забудет о ней с очередным повышением, а скорее – оказавшись, как она, на борту самолета, взявшего курс на Москву, а не на Кабул.

Он не шагал через голову, отдавая приказ: Оперативная группа Минобороны – это временный орган управления, сформированный после принятия решения о вводе войск в Афганистан. Вертикаль управления в армейской разведке нехитрая. В полку есть начальник разведки, а в дивизии уже целый разведывательный отдел, который планирует и осуществляет подготовку полковых и батальонных разведчиков. В штабе округа находится разведывательное управление, оно координирует работу всех разведывательных подразделений и офицеров разведки, которые их возглавляют.

Окружные разведуправления подчиняются командующему округом, но замыкаются на ГРУ, а это абсолютно автономная организация в рамках Генштаба.

Ольга, размышляя над этим и чуть отворачивая от темы, невесело усмехнулась: не нужно быть предсказателем, чтобы угадать реакцию комбата. Она не ошиблась. Кнышев, маленького роста мужик, торчавший в Афгане четвертый год, выслушал ее, покрутил прокуренным пальцем у виска и потечески сказал:

– Твоему сыну четыре. А ты торчишь тут два года. Раз в три месяца вылетаешь кормить его грудью. Лучше помолчи, дай мне сказать! И секс у тебя раз в три месяца. С мужем. У тебя не все дома, Оля.

– С мужем – это вы верно заметили.

Кнышев махнул рукой. И развил тему, отчаянно завидуя не своей подчиненной, а частичке ее биографии, благодати, которая опустилась в виде генеральской длани на ее грешную голову: она лично беседовала с начальником разведки Сергеем Тараненко, чуть ли не отказалась дать ему. С ума сойти.

– Генерал в провинции – хозяин, а в Москве он – говно. Не думаешь ли ты, что ты тут – хозяйка, а в столице будешь царицей помойки? Не думаешь? А может быть, ты забыла, где находишься? А я напомним: в Кабуле. На оккупированной территории.

Комбат боязливо оглянулся и отдернул руку, готовую со-

творить крестное знамение, точно испугался языческих богов. Чем напомнил Ольге генерала, ищущего в кармане кителя сигареты. Надо же, он положил сигарету в стакан с карандашами. Она улыбнулась, увидев в этом поступке что-то ребяческое. Теперь она виделась себе оракулом, способным дать ответы на все вопросы. Ночью она не сомкнет глаз, будет вспоминать встречу в Термезе. Она настолько запомнила лицо генерала, что смогла бы нарисовать его портрет карандашом из стаканчика или вышить каждую черту на платке, на манжете рубашки. И если бы он, человек занятой, сейчас подслушал ее мысли, расшифровал ее кардиограмму, то ответил бы: «На глупости у меня времени нет».

Странно: она была готова выполнить любую его просьбу, не то что приказ. Снова улыбнулась, на этот раз – несоответствию.

Термез

Тараненко отпустил связника-туркмена и надолго задумался. Ему казалось, не этот туркменский город граничит с Афганистаном, а войсковая часть, которая принимала его уже в четвертый раз. Сразу за высоким забором с колючей проволокой по гребню – горы, горы и горы. За этим призрачным «железным занавесом», опущенным волевым решением, не найти железных дорог, с трудом, но можно отыскать шоссе, горные тропы и воздушные трассы, задрав голову и до слез в глазах всматриваясь в небо, кто пролетел: свой, чужой, военный, гражданский? Афган горбится Гиндукушем, кривится Сулеймановыми горами, рассыпается пустынями и степями. Страна мертва, не считая людей, да и те, по большому счету, не жильцы: нет воды, нет растительности...

Тараненко с нетерпением поджидал одного человека. Речь не шла о его помощнике, о взаимоотношениях с которым он однажды сказал: «Я за словом в карман не лезу, на то у меня есть адъютант». Несколькими днями раньше в Туркменистан вылетели пятнадцать человек, объединенных в группу и подчиняющихся лично генералу. Это армейское разведывательное подразделение специализировалось на разведке во фронтовой зоне боевых действий, в тылу противника, совершая диверсии. Группа была укомплектована офицерами,

которые «соответствовали физическим и моральным требованиям», существующим в подобных подразделениях. Генерал лично комплектовал группу, будучи в звании полковника. Офицеры являлись выпускниками разведывательных факультетов общевойсковых училищ. Они были направлены на первичные командные должности командиров взводов в разведывательные роты, но генерал перехватил отобранных им бойцов, и они были зачислены в офицерскую роту бригады спецназа.

В то время как Тараненко оригинально представлял себе соседний Афганистан, командир спецгруппы входил в штаб войсковой части.

Дежурный офицер уже был в курсе, что этого невысокого роста, жилистого, выносливого, как мул, капитана следует пропускать к генералу незамедлительно и без доклада – если генерал один. Он не робел перед этим крепышом – видел, казалось ему, и не таких. Решил поделиться свежим анекдотом. Инсаров терпеливо слушал его, стоя в коридоре.

– К командиру полка заходит рядовой, бросает руку к пилотке, спрашивает: «Товарищ полковник, разрешите войти?» – «Да, заходи, сынок». – «Разрешите обратиться по личному вопросу?» – «По личному? Ну, тогда обращайся по-свойски, не по-уставному». – «Ну, ты сам напротился, старый педик! Как же ты меня достал!.. Разрешите идти?»

Дежурный рассмеялся. Капитан Инсаров поддержал его, обнажая в улыбке ровные зубы.

– Забавно. При случае расскажу генералу. Он у себя?

– Ага. Ждет тебя. Я успел заметить, он не любит людей, которые пьют первую рюмку в то время, когда остальные гости похмеляются.

Инсаров вошел в кабинет, плотно притворил за собой дверь и остановился у порога. Генерал оставался на своем месте, какие бы новости он ни ожидал, но поздоровался с капитаном первым.

– Здравствуй. Присаживайся. Как все прошло? – спросил он, когда Виктор опустился на стул, стоящий напротив рабочего стола.

– Без ЧП, – коротко ответил Инсаров, взяв на себя ответственность за сокрытие о сбое по дороге в Термез. На то они и диверсанты, чтобы устранять любые проблемы на пути. Главное, задание выполнено. Если же генерал узнает о ЧП, то сумеет оценить стратегическую тактичность подчиненного.

– Груз? – продолжал спрашивать Тараненко. Его люди уложились минута в минуту, а вот сам генерал прибыл в Термез на четыре дня позже намеченного срока.

– Груз отвезли на аэродром, – ответил на вопрос Инсаров. Генерал мелко покивал, глядя поверх головы капитана, будто увидел кого-то, входящего в кабинет.

– Поезжай на аэродром. Через час прибывает борт с грузом, который вы приготовили для работы. Я распорядился насчет машины – стоит напротив КПП.

Через час с небольшим Инсаров руководил разгрузкой грузового транспорта. В обычных солдатских баулах и вещмешках находилось специальное снаряжение и оружие. Тюки не были помечены и не отличались друг от друга, тем не менее капитан не ошибался, с первого взгляда определяя: в этом мешке взрывчатка, в этом саперные провода, подрывные машинки, аккумуляторы; другой баул хранил в себе автоматы с приборами беспламенной и бесшумной стрельбы, еще один – боеприпасы.

Помощник командира по хозяйству Бердыев дожидался в этот утренний час встречи с покупателем. Еще не подъехали к утреннему разводу командир части и начштаба, да и не весь автобат выстроился на плацу: тянутся повзводно, как сонные мухи. Повзводно. Это слово отчего-то насмешило Ахмата Бердыева. Он сидел в своей машине напротив восточного КПП, где дремали двое караульных – пушкой не разбудишь. Ворота на этом пропускном пункте основательно проржавели, звенья цепи, опутавшие створки, аж срослись, хоть автогенном срезай, замок не купят даже за копейку. От наблюдательного майора не ускользнула ни одна мелочь, наверное, и оттого, что на этом КПП он бывал редко, и вот сейчас взглядом оптовика ощущивал каждую мелочь. Вдоль забора выросла высоченная конопля – хоть одна хорошая новость сегодня. Хорошо, что комбат не видел взошедшего урожая, иначе собрал бы на валовой сбор весь личный состав.

Ну где же покупатель? Бердыев полуобернулся в кресле, окинул взглядом горизонт, в его представлении начинающийся от парившей в этот час Амударьи. Товар на месте, готов выехать через этот контрольно–пропускной пункт своим ходом. Бердыев нахмурился: он не согласовал вопрос о водителях. Что, если покупатель не приведет с собой людей, уме-

ющих управлять трехосными грузовыми «Уралами», монстрами грузоподъемностью до десяти тонн? Пара грузовиков, оснащенных бортовой платформой с тентом, входила в пятерку машин, отслуживших свой срок в Афгане и подлежащих списанию, то бишь актировке: пара подписей – и бесследно исчезнут не только грузовики, но и стартовые площадки для ракет-носителей; но где их взять?

А вот и покупатель. Бердыеву было плевать на его молодость, его насторожила информированность Виктора Инсарова. И первый вопрос, который он задал ему вчера, сводился к следующему: по чьей рекомендации тот пришел, откуда узнал о торговле движимым имуществом?

– Сорока на хвосте принесла, – ответил Инсаров. Он продемонстрировал пачку новеньких четвертаков с сиреневым, будто задубевшим, профилем Ленина и дополнил: – А деньги мне принесла ворона в клюве.

Бердыев сказал:

– Дай одну. На проверку.

Инсаров ответил:

– Можешь забрать все. Но если ты меня кинешь, начнешь отнекиваться, я из тебя ремней нарежу.

Отказываться от сделки было поздно: деньги к рукам приклеились, не оторвать.

То было вчера. А сегодня Бердыев снова имел честь приветствовать парня.

– Здравствуй, дорогой! Деньги проверил, меченых купюр

не...

– Хорош трепаться, – оборвал его диверсант. – Грузовики готовы?

– Конечно, о чем речь! Как и договаривались, баки под завязку, двигатели работают как часы. Номеров нет ни на шасси, ни на двигателях. «Уралы»-призраки. А где же твои водители?

– Учатся водить, – ответил Виктор. – Сегодня в одиннадцать вечера ровно грузовики должны стоять в районе «железки». – Он поднял прут и начертил на песке схему. – Это станция, здесь пакгауз из фундаментных блоков, напротив площадка, удобная для стоянки пары грузовиков. Место шумное, но не людное, что нам и нужно.

Лицо у Бердыева стало цвета загорелого негра. Ему стало плохо, и он был готов к тому, чтобы изо всех сил понимать, понимать и еще раз понимать людей с их проблемами. Утром ему было хорошо, и он не замечал никого, даже свою жену, расплывшуюся под одеялом, как медуза.

– Послушай, дорогой, мы договаривались играть на равных, ну?

– Да, но с небольшим креном в мою сторону. У тебя есть пятнадцать часов, чтобы найти водителей и документы, это на случай, если грузовики остановит военная инспекция.

– Может, я и ты...

– Даже не предлагай. Мне не резон светиться до поры до времени. Если тебе интересно, то мне всю ночь придется

гнать один из грузовиков. Вижу, тебе нет до этого дела.

– Мне? – Бердыев выкатил глаза так, что они чуть не упали на схему, начерченную на земле. – Какое мне до этого дело?

– Ну и правильно. План такой: твои люди подгоняют грузовики на стоянку, выходят, не глуша двигатели. Ключи, естественно, остаются в замках зажигания. Стекла поднимают до упора, свет не тушат. Если кто-то по ошибке или с умыслом заглушит двигатель, а ключи положит на крышу машины, ты снова увидишь меня. Если кто-то из водителей нечаянно или с умыслом сшибет по пути зеркало заднего вида – ты снова увидишь меня. Если стекла в машине окажутся опущенными...

– Я понял, понял: я снова увижу тебя.

– Схватываешь все на лету. У тебя плохой вид, тебе нужно погадать. – С этими словами Инсаров грубо потрепал майора по щеке, повернулся и пошел прочь.

Бердыев смотрел ему вслед и не смел окликнуть; отказаться от сделки время было упущено. О вчерашнем дне, когда Ахмат поначалу принял этого худошавого парня за театрального кассира, можно было забыть. Сегодня он предстал совсем другим, наполовину искусственным, с матовым блеском водянистых глаз, в которых навечно запечатлелась угроза. Страх внушают не только громилы с лошадиными челюстями, но и такие невзрачные типы, которые оказываются на поверку оборотнями.

Через час, приняв на грудь, Бердыев развил эту тему в

присутствии бухгалтера вэче, который был в доле. После сказал:

– Меня волнует только военная инспекция. Маршрут, которым поедут грузовики, самый опасный в Термезе. На пути две войсковые части, железная дорога, и все это стратегического значения. А вот дальше, считай, зеленый свет, ночью можно проскочить и в Афган. Этот сукин сын все тонко просчитал. Надо искать водил на стороне. Если попадутся наши шофера, откуп будет равняться стоимости машин.

Бердыев попал в скверную историю, отсюда его беспечные заезды насчет водителей – это вовсе не проблема. И заявить, куда следует, нельзя: повяжут и раскрутят на полную катушку, минимум десятка корячится. Что на уме у этого парня, лучше не думать, чтобы спать спокойно.

Даже Бердыев, далекий от спецназовских «мелочей», расшифровал предостережения капитана Инсарова: он боялся ловушек. Если он потянется за ключами на крыше машины, его может снять снайпер. Если стекла в машине будут опущены, его легче будет взять. А без заднего обзора, если водитель свернет зеркало, его будет легче достать. Равно как и без света ему ночью далеко не уйти. В представлении майора он стал участником масштабной операции, цель которой была неясна.

Инсаров с бойцами затаились в пакгаузе за час до означенного срока: в десять вечера, когда на складе не осталось ни души. Без пяти минут одиннадцать послышался рокот двигателя, но его тут же заглушил более мощный звук маневрового локомотива, пронесшегося мимо на сумасшедшей скорости. На асфальтированную площадку, тускло освещенную только с восточной стороны, въехал сначала один грузовик, за ним второй. Так же поочередно открылись дверцы, из машины вышли водители в гражданской одежде. Инсаров усмехнулся и покачал головой. Шоферы были явно напуганы, уходили так, как и ехали: друг за другом, держа расстояние в несколько метров.

– Первая четверка пошла, – отдал команду Инсаров.

Четверо бойцов под началом Куницы, одетых в черную униформу и вооруженных «калашами», покинули здание через окно и перебежали к грузовику. Головной спецназовец подошел к дверце водителя и открыл ее, держа наготове пистолет Стечкина. Второй номер, в отличие от товарищей одетый в полевую форму с погонами «пушкарей», открыл дверцу пассажира, оглядел кабину и, высвободив из грудного ранца черные военные номера, прикрепил их спереди и сзади машины, бросил на них придорожной пыли. Куница обеспечивал прикрытие сзади, в то время как Шульц откинул по-

ду тента и при ярком свете фонарика осматривал кузов.

Другая четверка во главе с Еретиком повторяла действия товарищей на своем объекте. После беглого осмотра кузова Шульц и его напарник Зубочистка, которых в подразделении называли не иначе как «минно-розыскными собаками», занялись более тщательным осмотром кузовов, в которых уместаются до сорока человек. Эти двое натурально обладали чутьем служебных собак, чуяли мины и редко пользовались щупами, миноискателями, стетоскопами. Им не было равных и при минировании объектов. Они проверили каждый уголок и дали команду старшим подгрупп: «Чисто».

Еретик и Куница «отморзились» бойцам, и Шульц с Зубочисткой заняли водительские места. В это время остальные семь бойцов, прикрывающих обе подгруппы, присоединились к товарищам.

Сорок килограммов взрывчатки были поделены на две части и размещены в вещмешках в двух машинах.

Виктор Инсаров занял место пассажира в головном «Урале», и водитель тронул машину с места. За ней, как на привязи, следовала вторая.

Командир исполнял роль штурмана. Бойцы накануне тщательно изучили предстоящий маршрут, запомнили каждую мелочь, каждую выбоину на дороге. Сведения о расписании мобильных патрулей военной инспекции они получили лично от генерала Тараненко. В случае непредвиденной остановки он снабдил их документами на передвижение, в кото-

рых указывался маршрут: Пули-Хумри – Термез.

Инсаров остался спокойным, даже равнодушным, когда в районе хлопкоочистительного комбината «Уралы» остановил военный патруль.

Старший инспекционной группы капитан Зурабов поглядывал то на командирские часы, то на горе-водителя, поймавшего гвоздь напротив хлопкоочистительного комбината. Причем гвоздь оказался сродни разрывной пуле «дум-дум». Колесо «УАЗа» рвануло с таким грохотом, что весь экипаж ВАИ подбросило; капитан грешным делом подумал: неужели моджахеды в городе? И едва не схватился за пистолет. «УАЗ» пропетлял метров пятьдесят и только потом остановился. Водитель – двадцатилетний парнишка – глянул в панорамное зеркальце, потом на командира и спросил:

– Все живы?

– Блин, – ругнулся Зурабов, – ты на мину напоролся?

– Хер его знает, – откровенно ответил пацан. Он первым вышел из машины, обошел ее, пиная по каждому скату, пока добрался до правого переднего; пинать можно было только в обод.

Наряд вышел из машины. Пока водитель менял колесо, ваишники делали вид, что разминали ноги. Смена сегодня выдалась хлопотливая – то на ногах, то в машине. Около двух часов ушло на то, чтобы спровадить на гауптвахту подвыпившего водителя с «шестьдесят шестого» «газона» и положить голову над тем, куда отправить пару девиц, которых об-

наружили в кузове. Потом остановили подозрительный «уазик» с грязными номерами, который, как на грех, петлял в границах их зоны ответственности. Мероприятие рядовое, но требующее осторожности: остановка машины, беглый наружный осмотр, досмотр на предмет наличия оружия, боеприпасов. Водитель тоже оказался подшофе. Пришлось сопровождать «уазик» на сборный гарнизонный пункт задержанных машин, который негласно называли «соборной мечетью».

В одиннадцать вечера конец смены, а на часах 23.40. Непруха, качал головой Зурабов, представляя то, чего не светило ни двум срочникам, входившим в состав наряда, ни лейтенанту: домашний плов с кишмишем, бараниной, крупно порезанной морковью, луком, чесноком. Рис такой рассыпчатый, что невозможно набрать ложку с горкой; а хочется, зараза. Мясо тает во рту. Зурабов вдруг забеспокоился, заторопился. Нет повода заподозрить жену в измене, но он представил, как тает мясо в чужом рту. Он был так голоден, что его мысли пахивали ненаучной фантастикой.

– Давай быстрее! – поторопил он водителя.

– Ща, – ответил тот, – глаз не успеет моргнуть, товарищ капитан.

Он затягивал последний крепеж, когда из-за поворота показался один «Урал», а за ним другой. Зурабов не раздумывал, останавливать ли военные грузовики, он машинально шагнул с обочины на дорогу и отточенным жестом руки ука-

зал место впереди инспекционного «уазика». Бросил водителю:

– Хорош копаться, пойдешь со мной.

Инсаров остался в кабине, дожидаясь старшего инспектора, который, демонстративно поправляя оружие, подошел в сопровождении автоматчика.

– Капитан Зурабов, – представился он, бросив руку к головному убору. – Выйдите из машины, пожалуйста. – Он чуть сместился в сторону и встретился взглядом с водителем. – Вы тоже. Приготовьте документы.

С другой стороны подошли еще двое инспекторов: один в чине лейтенанта, другой носил сержантские лычки. Экипированы стандартно: белые шлемы, автоматы, жезлы.

Инсаров показал этому капитану, что не в первый раз имеет дело с дотошной военной инспекцией. Он задержал водителя, забрав у него права, и, присовокупив их к предписанию, передал капитану. Тот принял документы и в первую очередь обратил внимание на предписание. Покивал, озвучив свои мысли:

– Едете из Пули-Хумри?

– Да, там все написано.

– Я вижу. Следуете на склад – читаю: артиллерийского вооружения, войсковая часть 14341. Я знаю эту часть, она относится к 40-й армии.

– Равно как и часть в Пули-Хумри.

– Это ясно. Почему едете так поздно?

– Не я выбирал время. Так начальство распорядилось.

– Товарищ капитан, – позвал начальника сержант. – Они едут из Пули-Хумри?

– Да, а что такое?

– Путь неблизкий, номера вроде бы запылились, а борта – нет.

Инсаров чуть заметно покачал головой.

– Что? – перехватил его жест инспектор. – Что у вас в кузове? Выйдите из машины.

– Конечно. Не обязательно повышать голос. В кузове люди. Тринадцать человек. Вместе со мной и водителем – пятнадцать. Поднимите руки, капитан.

– Что? – Зурабов успел только тяжело сглотнуть. Он не верил своим глазам. Будто из-под земли, а не из кузова, перед ним выросли вооруженные штурмовики. Он не часто сталкивался со спецподразделениями. Если отдельные группы находились в кузовах, то проверка такого транспорта ограничивалась предписанием – не препятствовать, а порой и содействовать прохождению транспорта (колонны) до места назначения.

Зурабов впал в ступор. Он мог представить, что один диверсант способен уничтожить его наряд, но они не стали распыляться по мелочам. Двое спецназовцев схватили лейтенанта и сержанта за руки, одновременно еще двое бойцов приблизились к ним на расстоянии выстрела в упор. Лейтенант оказал было сопротивление, и капитан был готов уви-

деть его, сбитого, на земле, но произошло то, что прочно засело в его сознании, то, от чего он тщетно пытался убежать. Один из диверсантов, вооруженный бесшумным пистолетом, выстрелил, не раздумывая, хладнокровно, точно подсек рыбу. Сместив ствол пистолета, еще дважды нажал на спусковой крючок, стреляя сержанту в грудь.

Зурабов дернулся, вскинул руку, выгнул спину, включил в работу вторую руку. Он знал правду – ему под лопатку влетела пуля и высвободила энергию точно под сердцем, но инстинкт заставлял рвать руками одежду, ковырять в ране, точно в ней торчала заноза размером с ножку стула.

Водитель упал на колени. Из рта потекла кровавая слюна. Вторая пуля опрокинула его на спину.

– В кузов их, – приказал Инсаров. Нашел глазами Куницу. – Возьми с собой пару человек, поедете впереди нас на «УАЗе».

– Есть, – тоном «ага» отозвался диверсант и подозвал двух товарищей. Он бросил проколотое колесо в кузов «Урала», сел за руль и завел двигатель. Посмотрел в зеркало заднего обзора уже метрах в тридцати от головного «Урала», также тронувшегося в путь.

А в кабине второго грузовика на месте пассажира устроился Зубочистка. Он еще раз сверялся с планом территории склада артвооружений, который получил лично от генерала Тараненко. План был детальный, до каждой пылинки. К плану прилагалось расписание караула, передвижение по части

разводящих и прочее, что больше касалось командира группы и «организационных» работ, за которые Виктор Инсаров отвечал, можно сказать, головой.

В пятистах метрах от склада артвооружений, который ширмовался под продовольственный склад, но все же отдельная воинская часть 40-й армии, на обочине стоял «УАЗ-469». Эта машина была в личном пользовании генерал-майора Тараненко. Он брал ее всякий раз, когда приезжал в Термез, не раз отказывался от услуг водителя, как и сегодня. Он напрягся, когда впереди двух «Уралов» увидел «УАЗ» с отличительными знаками военной автоинспекции. Но моментально расслабился. Он не мог представить ситуацию, когда его транспорт буквально буксируют ваишники.

Генерал вышел из машины, одернул китель полевой формы. Эта одежда с зеленоватыми пуговицами и такого же неприметного цвета звездами на погонах шла ему больше, чем повседневная; парадную он терпеть не мог и надевал ее в исключительных случаях. Он поправил кепи, словно приветствовал своих бойцов; опуская руку – отдавал распоряжение остановиться.

Первым затормозил «УАЗ». Тараненко ожидал увидеть в нем командира группы, но Инсаров появился из кабины «Урала» и поспешил к начальнику.

– Что случилось? – опередил его генерал.

– Тормознула военная инспекция. Пришлось избавиться от них.

– Где это случилось?

Инсаров ответил. Генерал покачал головой: скорее всего, произошла накладка. Его разведданные точно говорили о том, что на заранее выверенном пути транспорта в этот час ни пешеходов, ни механизированных патрулей не бывает.

Тараненко посмотрел на часы: пошел первый час ночи, первые минуты нового дня.

– Пора, – сказал он, обращаясь больше к себе.

Машины остановились на бетонированной площадке, напротив центральных ворот склада. За этим высоким забором, превосходившим по степени защищенности ограждения на других военных объектах Туркестанского округа, будто продовольственный вопрос стоял выше других, хотя и рассматривался как стратегический, находилось то, к чему стремились мысли генерала Тараненко. Он дорого бы дал за то, чтобы там его поджидала пара грузовиков, но их не было, пришлось покупать их, рискуя больше, чем требовал трезвый расчет.

Расчет. Сергей Николаевич просчитал все. Вот сейчас, когда он в очередной раз прогонял в голове план операции, должен появиться дежурный КПП и вызвать начальника караула...

Яркий свет прожектора лизнул «узики», прошелся по брезенту «Уралов». «Кого еще черти принесли?» – выругался дежурный в звании старшего сержанта. Он снял трубку телефона, набрал трехзначный номер, дождался ответа.

– Товарищ капитан, старший сержант Трофимов на связи.

– Да, слушаю, сержант.

– У нас гости. Скорее всего, покупатели приехали.

Покупателями называли всех без исключения, кто приезжал за товаром, будь то артиллерийские снаряды, патроны для автоматов и пулеметов, гранаты, тушенка «Китайская стена», советские каши и прочее.

Голос капитана зазвенел в трубке:

– Я сейчас подойду.

Он ждал этого звонка, настраиваясь на предстоящие события, тем не менее не совладал с собой. Была бы у него возможность, сила воли, он бы не допустил в свою голову мысли о пуле, освобождающей от ответственности. Он сделал несколько глубоких вдохов-выдохов, встал, ударил себя по почкам, точно собирался выйти на ринг, но вышел из караульного помещения на воздух, холодный, бодрящий в эту ночную пору, пропитанный близостью Амударьи, которой не было бы без «доноров» – Пянджа и Вахша, питающих ее.

Он остановил разводящего, покинувшего топчан по ма-

лой нужде.

– Отдыхай, сейчас мне помощники не нужны. – Ему свои же слова показались подозрительными. Будь он разводящим, проследил бы за начальником. – Этот кретин на КПП что-то напутал. Какие, к чертовой матери, покупатели в половине первого ночи. Ложись, тебе через полтора часа на развод.

Капитан потуже застегнул портупею, тронул кобуру, словно сейчас что-то зависело от оружия, проклял все на свете и неровной походкой направился на КПП.

А там тем временем на досмотровую площадку вышли двое рядовых и сержант, больше из любопытства: очень редко по ночам приходилось отпускать товар. Их привлек и приличный эскорт грузовых машин: два «уазика», один из которых принадлежал военной инспекции. Ясно, что не за тушенкой приехали. Обычно покупатели не привлекали к себе внимания. Приезжала машина или две, один или два экспедитора, их пропускали на склад, там загружали, дальше следовала обратная процедура. Она отчасти распространялась на прибывший товар. Вчера, например, прибыла партия снарядов с военного аэродрома в Чуйской долине, построенного у самого подножия киргизского Алатау. Эта, «термезская» зона по праву считалась прифронтовой, и каждый военнослужащий испытал это чувство на себе.

Капитан хотел было выйти за пределы части через калитку, вмонтированную в створку ворот, но передумал и прошел через узкий коридор КПП с бесполезным турникетом,

на котором стопор был давно сломан.

Тараненко встретил его дружеским рукопожатием. Глянув на караульных, собравшихся на досмотровой вышке, спросил приглушенным голосом:

– У тебя все готово?

– Так точно, товарищ генерал.

– Ты боишься?

– Н-немного, – непроизвольно заикаясь, ответил начкар.

– Страх уничтожит страх, – сухо улыбнулся Тараненко. –

Но ты больше жалеешь, – он кивнул в сторону вышки, – жалеешь, что твои подчиненные не на нашей стороне.

– Да, наверное.

– Чего ты дрожишь?

– Знобит, товарищ генерал, холодно.

– Прикажи караульным спуститься.

Капитан на мгновение прикрыл глаза, повернулся к вышке и махнул рукой.

– Спускайтесь. Нужно досмотреть машины. С вышки вы под тент не заглянете. Начинайте досмотр с первой машины. Пошевеливайтесь!

– Молодец, – генерал оценил его твердый голос. И отошел в сторонку, потянув за собой капитана. – Сейчас не надо мешать моим людям.

Трое солдат спустились с вышки. Один из них пристально всмотрелся в генерала, перевел вопрошающий взгляд на товарища. Тот пожал плечами и выразительно опустил кон-

чки губ: «Не знаю, что за птица, первый раз вижу».

В это время трое диверсантов заняли места у дальнего борта, приготовив ножи. Караульные приготовили автоматы. Они не могли представить, что смешны с огнестрельным оружием. Они совершили первую ошибку, игнорируя незастегнутую полу тента. Скорее всего, этот факт обрадовал их. Не придется пачкаться о грязный брезент, снимая его с металлических крючков. Двое взялись за края, чтобы одним расчетливым движением забросить полу на крышу. Фактически они отдали команду диверсантам, отсчитав вслух: «Раз, два...» На счет «три» трое спецназовцев вышли им за спину – неслышно, быстро, не оставляя им ни одного шанса.

Куница отработал против своего визави колющим ударом сбоку. Лезвие ножа вошло в основание шеи, выше ключицы. Он тут же выдернул нож из раны, и две пары крепких рук втащили караульного в кузов. Несколько секунд, и к нему присоединились его товарищи. Куница вышел из-за машины и подал знак Инсарову: «Дело сделано». Виктор подошел к генералу, кивнул в знак приветствия капитану.

– У нас все. Можно ехать. – Поймав утвердительный кивок Тараненко, Инсаров приказал начальнику караула открыть ворота. И поторопил его: – Не стой истуканом, открывай.

Первой на территорию части въехала машина военной инспекции с синей мигалкой на крыше, за ней, довольно ур-

ча, последовали «Уралы». Они остановились у приземистого кирпичного здания с узкими окнами, забранными решетками и расположенными под двускатной крышей. Над воротами и по периметру склада было включено дежурное освещение.

Один за другим на бетонированную площадку высыпали спецназовцы. Инсаров отдавал им короткие приказы:

– Куница – караульное помещение.

– Есть. Пошли, парни. – Четверо диверсантов двинули к караулке.

– Носик – казармы.

– Есть. За мной.

Еще четыре человека поспешили занять места «согласно расчету».

Начальник караула открыл замок. Зубочистка и Шульц распахнули ворота, и «Уралы» вползли внутрь по пандусу. Капитан включил внутреннее освещение и пошел впереди генерала. Остановился напротив стеллажа и указал на него рукой.

– Это здесь.

Тараненко подошел к запыленному ящику со странной маркировкой: указывался только вес снаряда – двадцать три килограмма. Не оборачиваясь, он подозвал спецназовца:

– Открой.

Тот без труда снял с двухъярусного стеллажа ящик, поставил его на пол и щелкнул замками, срывая пломбу. Открыл

крышку. Ящик внутри был отделан пористым материалом, похожим на поролон, но менее эластичным; он плотно облегал минометный снаряд, находившийся внутри.

Тараненко поманил капитана и, когда тот стал рядом, спросил:

– Ты заглядывал в эти ящики?

– Нет, – помотал он головой. – То есть, я хотел сказать, два или три раза. На нескольких ящиках пломбы отсутствуют.

– Что в этом ящике, можешь сказать?

– Мина, товарищ генерал. Мина на основе ядерного заряда.

– Она отстреливается из гладкоствольного миномета на дальность свыше четырех километров и имеет регулируемую мощность до одной килотонны, – продолжил генерал. – По типу она схожа с американской миной W54. Не видел такую?

– Никак нет.

На этом складе было полторы сотни таких мин, а всего на складах вооруженных сил накопилось около десяти тысяч зарядов, включая и такие. Тараненко уже стоял рядом с другим стеллажом, а его подчиненный открывал следующий ящик. В нем находились два ядерных артиллерийских снаряда. Они внешне почти не отличались от обычных снарядов и могли быть использованы практически любыми 152-миллиметровыми дальнобойными пушками, например такой, как буксируемая пушка «Гиацинт-Б», запущенная в середине 70-х годов.

– Товарищ генерал... Товарищ генерал...

Тараненко не сразу сообразил, что его кто-то зовет, вернее, возвращает с высот, на которые его подбросили нейтронные боезаряды. Он с трудом отыскал этого человека. Жалкого человека, который, встретившись наконец-то взглядом с генералом, опустил глаза и бормотал:

– Товарищ генерал, я не уверен. Я сомневаюсь, товарищ генерал.

Теперь его взгляд то ли красноречиво, то ли трусливо метался от одного стеллажа с ядерными снарядами к другому.

Тараненко терпеливо дождался, когда капитан снова посмотрит ему в глаза, и спокойным голосом сказал:

– Знаешь, что мне сказал мой деловой партнер? Он пандшерский таджик. Советским офицерам доверять нельзя, сказал он. Все они люди непорядочные, продажные. Торгуют наркотиками, на складах все разворовывают. Вот мусульмане – другие. Они живут по Корану, у них все справедливо... Я нашел середину: покупаю у продажных офицеров, а продаю справедливым мусульманам. Ты понял меня, капитан? Вольно, не напрягайся. – С этими словами Тараненко пренебрежительно похлопал офицера по щеке, и взгляд у него стал жестким. Он никогда вслух не угрожал смертью, но эта угроза сидела у него в глазах. Он мог убить, а мог сделать жизнь этого капитана невыносимой настолько, что тот каждую минуту вспоминал бы о смерти как об избавлении, как о милости.

Генерал дважды ударил в ладоши, привлекая внимание спецназовцев:

– За работу, ребятки! – Нашел взглядом Инсарова: – Где твои спецы по минированию, Витя?

Этот вопрос Инсаров принял как приказ и в свою очередь, в стиле генерала, отдал распоряжение Шульцу и Зубочистке:

– За работу! Минируйте склады, казарму, караульное помещение. Вам нужны помощники?

– Двух человек будет достаточно, – ответил Шульц и поманил за собой диверсантов. Вчетвером они вытащили из кузова «Урала» тела караульных, а потом взрывчатку, машинку и провода. Работу начали с этого склада как самого важного объекта в их плане.

– Откажемся от последовательного соединения взрывателей, – сказал Шульц, – не сработает первый в цепи, не сработают остальные.

– Согласен, – подтвердил двадцатичетырехлетний Зубочистка. – Соединим параллельно. Ограничимся пятью закладками.

– Разумеется. Больше электродетонаторов наша машинка не осилит. – Диверсанты располагали подрывной машинкой КПМ-1 весом чуть больше полутора килограммов, которая давала напряжение полторы тысячи вольт. Последовательно соединенных детонаторов она могла «вытянуть» до сотни, а параллельно, как сказал Зубочистка, – до пяти.

Он вынул из вещмешка связку тротиловых шашек ве-

сом по четыреста граммов каждая. Электродетонатор, состоящий из капсуля и электровоспламенителя, уже был на месте, оставалось соединить его с проводом. Подрывники использовали обычную схему взрывания заряда: подрывная машинка, провод, электродетонатор, заряд.

Открыв один из ящиков, в котором хранились артиллерийские фугасы, Зубочистка закрепил тротилловые шашки на одном из снарядов. Провод привязал к ящику так, что свободным оставался конец в полметра длиной, его и присоединил к детонатору. Теперь если даже дернуть сильно, провод не сорвется с запала.

Двое помощников провели провод вдоль стены склада и на выходе потянули его к КПП. Зубочистка и Шульц перешли к караульному помещению. Там находились четверо спецназовцев. Куница, увидев товарищей, махнул рукой: «Быстрее!»

– Чего ты торопишь? – спросил Шульц, приблизившись. – От нас ничего не зависит. Машины будут загружать полчаса. Как здесь, тихо?

– Дрыхнут, – ответил Куница. Одетый в черный комбинезон и темную вязаную шапочку, он сливался с затемненной частью палисадника, окружающего здание караульной службы. Все четверо, вооруженные автоматами с глушителями, контролировали лишь вход в здание. Брать под контроль окна с другой стороны особой необходимости не было. Пока все тихо; это при малейшем волнении караульные попрут и

через дверь, и через окна.

Зубочистка заложил мину под второе окно справа от угла здания, Шульц – слева. Он же освободил рюкзак от очередного мотка провода на бобине. То же самое проделал и Зубочистка. Он соединил оба детонатора, отрезав пару концов провода; на параллельное соединение детонаторов уходило больше материала. Вдвоем они, бесшумно семеня и размазывая провода, отошли к КПП, куда уже были протянуты провода с мины, заложенной на складе.

А там работа шла полным ходом. В погрузку включились все, даже Инсаров и начальник караула. Лишь генерал не принимал участия в тяжелой работе. Прислонившись к стеллажу, он что-то быстро писал в блокноте. Изредка отрывался от письма и поглядывал в сторону пандуса, по которому на склад въехали грузовики. Двери склада были закрыты; свет с освещенной площадки попадал в помещение через просветы между дверями и бетоном.

Подходила к концу загрузка второго «Урала»: последний ящик, вместе со снарядом весивший тридцать килограммов, занял свое место в кузове.

– Готово, – на ходу бросил Инсаров. – Сто пятьдесят штук. Вчетвером четыре с половиной тонны перелопатили.

Генерал отдал очередной приказ:

– Загружайте артиллерийские снаряды. – И для одного Инсарова добавил, понизив голос: – Капитана оставь здесь. Слабак. Быстро сломался.

«Не вовремя сломался», – мысленно исправил начальника спецназовец.

Шульц и Зубочистка тем временем заканчивали минировать казарму, также заложив два тротильных заряда. Через десять минут все концы проводов от пяти мин находились в одном месте – примерно в ста метрах от КПП. Если бы не разброс объектов, на которых пришлось поработать, метраж проводов можно было бы сократить. А так два подрывника и два помощника размотали в общей сложности около километра.

У начальника караула не хватало мужества приставить ствол пистолета к виску и спустить курок. В его голове промелькнула откровенная глупость: «Как я буду с этим жить?» Ответ пришел вместе с Виктором Инсаровым, поигрывающим веревкой: «Жить ты не будешь». Спецназовец сбил его с ног подсечкой и прижал лицом к полу. Оседлав его, он загнул ему за спину одну руку, накиннул на нее петлю и обмотал веревку вокруг запястья.

– Сволочь! – брызжа слюной, взорвался капитан. – Выродок! Генеральская шавка...

Инсаров не испытывал затруднений, связывая капитана, податливого, как тренировочная кукла. Его вторую руку он наложил поверх первой и обмотал концы вокруг обеих рук. Затянув свободные концы веревки в узел, он встал и поднял капитана на ноги. Подтолкнул к ближайшему ящику и, прежде чем привязать к нему жертву, шепнул ему на ухо:

– Хотя бы раз поборись за жизнь. Я даю тебе шанс. – Он демонстративно сдвинул ящик в сторону и непрозрачно намекнул: – *Однажды лебедь, рак и щука...*

Шульц приготовил подрывную машинку. Она весила меньше, чем ПМ-2, дающая напряжение сто двадцать вольт и силой полтора ампера. Ему оставалось привести ее в действие и замкнуть контакты. В голове даже мелькнула шальная мысль: рвануть сейчас. И тогда под руинами останутся все, а точнее – не останется никого. Некому будет смотреть на грандиозный и неповторимый салют, когда в небо взметнутся десятки, сотни, тысячи снарядов. Они будут рваться по одному и целой кучей. Разлет осколков обещал побить предыдущие рекорды. Шульц даже пожалел о том, что «отложенный запуск» пройдет без участия нейтронных зарядов. Интересно, подумал он, будет ли сияние от взрывов ядерных боеприпасов, и если да, то какого цвета? А может быть, всех цветов? Или только холодных, как у северного сияния?

А вот и они. До Шульца, самого высокого бойца группы, донесся ровный рокот двигателей. Машины списанные, но моторы работают как часы, в очередной раз отметил он.

Он не видел товарищей, но отчетливо представлял их действия. Обе подгруппы покидают временные посты возле здания караульной службы и казармы и отступают, держа оружие на изготовку, вслед за машинами. Они контролируют каждый уголок, доступный зрению. Теперь их задача не только убить каждого, кто окажется «на расстоянии пальца

от спускового крючка», – они оберегали магистраль, проложенную подрывниками.

Сергей Тараненко нарисовался, как всегда, эффектно, подметил Михаил Шульгин. Генерал стоял на подножке «Урала» и спрыгнул на ходу, когда машина миновала КПП. Отряхивая на ходу руки, он подошел к «уазику», открыл дверцу, занял место за рулем. Делал все, как всегда, обстоятельно, словно нервы у него были из стали. А ведь должен же волноваться, успел подметить Шульц, завершая наблюдения: его номер последний, он же – смертельный.

Все прошло так, будто репетировалось до посинения. «УАЗ» генерала и «Уралы», набирая ход, проехали мимо Шульца, опустившегося на колени перед подрывной машинкой, как перед идолом. Едва ему в нос ударил выхлоп из последней машины, он замкнул контур на подрывной машинке и мысленно, как делал всегда, с неповторимой улыбкой на тонких, будто иссушенных губах пронесся по проводам, раздвоился, размножился, ввернулся в электродетонатор, пронзил капсулю, поджег электровоспламенитель, ахнул, ослеп от яркой вспышки. И его словно всосало внутрь.

Освобождаясь от галлюцинаций, кружащих голову, Шульгин подхватил машинку и в два гигантских прыжка нагнал машину. Бросил в кузов машинку и, ухватившись за борт, переворотом оказался внутри. Тотчас пола тента, сброшенная чьей-то рукой, закрыла видимость. Но не могла спасти от грохота. Рвануло так сильно – не сверху, как при грозе,

а сбоку, что заложило уши. И понеслось. Один разряд, сопровождающийся треском, точно в один момент сломались сотни деревьев, за ним другой. Более мощный сменялся более тихим, потом дело шло по нарастающей, и все начиналось снова, казалось, этому не видно конца.

Машины, уносящиеся прочь от грохота снарядов, не смогли так быстро выехать за пределы разлета осколков. Вот потенту застучали, как метеоры, осколки снарядов. Они падали сверху, набрав максимальную высоту, падали уже холодными, остывая на лету.

Инсаров и Куницын, сидевший за рулем грузовика, делились впечатлениями. Куница говорил что-то о классной работе, командир группы – о том, что поступили они с начальником караула не по-человечески; Куница отвечал: «Кто бы говорил». Инсаров мысленно повторял за ним: «Кто бы говорил».

Начальник караула отчаянно боролся за свою жизнь и смог доползти с грузом до стены, вдоль которой проходил провод. Электродетонатор сработал в тот миг, когда начальник караула – весь мокрый от пота и мочи – вцепился зубами в провод и надкусил его. Как будто замкнул контакты. Позади него оглушительно грохнуло, а в следующую секунду его размазало по стене взрывной волной.

Комбат Кнышев, провожая Чиркову в Термез для очередной встречи с генералом Тараненко, сказал:

– Из Термеза пришли новости. Там на воздух склад взлетел, без жертв не обошлось. В сообщении говорилось о продовольственном складе, а гремело так, словно он был начинан минами. Может, просроченная тушенка ахнула?.. Наша лучше, чем китайское дерьмо, которым нас пичкают. наших интендантов надо за яйца повесить. Твой Тараненко оказался на месте происшествия первым. Отчаянный мужик. А ты дура.

– Больше никаких сообщений не было?

– Только одно... – Кнышев поднял палец. – Из самой Москвы пришло. Диктор радиостанции «Юность» сказала: «Вернется ли бабье лето в Среднее Поволжье?» Не знаю, как лето, но бабы точно вернутся. Ступай.

Первым оказался. Оказался первым. Отчаянный мужик. Без жертв не обошлось.

Чиркова вспоминала вторую встречу с генералом. Он был более откровенным, но не открытым, так показалось ей. Он открыл не все карты, что-то осталось в колоде, что-то, несомненно, было запрятано в рукаве его полевого кителя. Ей показалось, Сергей Тараненко, выражаясь любимыми словами комбата Кнышева, «засирал ей мозги». Он, посвящая ее

в тайну, приобретал власть над ней. В глазах Чирковой он предстал военным политиком, а что может быть страшнее?

– Наши войска вскоре уйдут из Афганистана – об этом можно судить, не заглядывая в прогнозы аналитиков. Вы согласны со мной?

– Да, – ответила Ольга, соглашаясь с тем, что в прогнозы аналитиков заглядывать не стоит.

– Слышали о тактическом ядерном оружии?

– Я слышала о недавнем взрыве на артиллерийском складе, – Чиркова рискованно выводила генерала на откровенный разговор. Считай, ловила хищную рыбу на собственную руку, к которой привязала крючок.

– Об этом все слышали, – отмахнулся генерал. – Так вот, мы и США договорились уничтожить мини-заряды и больше их не производить. Вопрос о том, сколько и какие типы мини-бомб находятся на вооружении двух стран, остается открытым. Нет ясных ответов и на вопросы о наличии в руках радикальных экстремистов ядерного оружия, и об их намерениях по его применению. Есть предложения рассмотреть ряд мер, направленных на снижение роли и значения ядерного оружия, для чего необходимо значительно изменить систему ядерного планирования и направленность подготовки войск. Этот тезис сам по себе не вызывает возражений, однако далее следуют некоторые практические рекомендации, которые требуют серьезного обоснования. Так, вызывает сомнение категоричное предложение о «полной ликви-

дации тактического ядерного оружия, в том числе и авиационного». Причем никакого обоснования этого предложения нет и в помине. Если в определенной степени это предложение еще может быть воспринято по отношению к ядерному оружию поля боя – артиллерийским снарядам и боеголовкам тактических ракет, то есть «выстрелить или потерять», – то совершенно непонятно, почему это требование распространяется на авиационное оружие. Только с помощью тактического ядерного оружия возможно оперативно оказывать ядерно-огневое воздействие на подвижные группировки войск противника¹.

Ольга Чиркова не понимала, к чему генерал окунает ее в тему, в которой она мало что смыслила, однако предчувствовала, что он увяжет этот вопрос с недавним происшествием на артскладе. А пока что слушала о том, что «тактическое оружие обладает большой гибкостью и оперативностью боевого использования», что оно «отвечает характеру возрастающей угрозы региональных конфликтов и, в отличие от стратегического оружия, обладает свойством „отражения“ агрессии на поле боя». Разумеется, использование ядерного оружия возможно в строго оговоренных и открыто объявленных ситуациях как крайнее оборонительное средство.

Она театрально похлопала накрашенными ресницами: «Ну, конечно, разумеется...»

– Ликвидация ядерного оружия может привести к серьез-

---

¹ По материалам еженедельника «Независимое военное обозрение».

ным негативным последствиям, – продолжал генерал. – Даже в случае полного уничтожения всего ядерного оружия сохранятся знания о нем и возможности для его воссоздания. Ликвидация ядерного оружия приведет к резкому изменению сложившегося соотношения сил в мире, дестабилизирует международную ситуацию, вызовет усиление гонки обычных вооружений.

Генерал сделал паузу и спросил:

– Я видел, ты внимательно слушала меня. Какой вывод ты сделала?

– Если честно... – Она виновато развела руками.

– Я вхожу в группу единомышленников, которые не хотят допустить, чтобы США безопасно для себя вели обычные войны. Под видом продажи ядерных зарядов в Иран и Пакистан мы сохраним это оружие и сохраним силы, способные противостоять безграничной экспансии американского капитала. Надеюсь, ты понимаешь серьезность наших намерений, представляешь, какие люди стоят не надо мной, – он указал вверх, – но рядом, – он описал руками круг. – И тебе выпал шанс пополнить наши ряды.

Фактически Тараненко признался в диверсии, но зачем? Чиркова была неотъемлемой частью операции, ее членом. Она должна была узнать о ядерных боеприпасах от самого генерала, но не домысливать самой. Заливая ее информацией, он словно прятал труп в бочке с цементом – до поры до времени.

Она была орудием в его руках, но только он не был орудием в руках людей, творящих «военную политику» – все это ложь от начала и до конца, – и это уравнивало их.

– А как же деньги? – спросила она.

– Ты права. И я рад, что ты обратила на это внимание. Надеюсь, сделка состоится – мы продадим ядерные заряды Ирану. Деньги ровным счетом ничего не значат, но не принять деньги за товар означает раскрыть свои карты. Покупатель должен увидеть в лице продавца предателя интересов родины, врага, которого надлежит судить по законам военного времени, расстреливать на месте.

Зомбированная Ольга кивнула. Все сказанное генералом виделось большой игрой. Достаточно было расставить все по своим местам и сказать: «Вот так». Чиркова и сказала себе: «Вот так». И загордилась своим непосредственным участием в большой игре. О ней наверняка знают те, кто был выше Тараненко. Но в ее глазах выше его было только небо. Он казался ей самой высокой вершиной.

Чиркова приступила к работе. Ей предстояло отслеживать все переговоры одного из непримиримых лидеров оппозиции по имени Мурджалол Бектемиров. Информативную часть переговоров она была обязана передавать генералу Тараненко и молчать об этой связи. Обычная рутина превратилась в праздник. Она заступила на дежурство, помня что-то вроде напутствия: «Наша, армейская, разведка и внешняя разведка КГБ работают выше всяких похвал. Вот и ты обес-

печиваешь меня всеми необходимыми данными». Пока нет, не обеспечивает, а только-только начинает приобщаться к этому. И первый же день, первое дежурство после командировки в Термез дало результаты: Мурджалол Бектемиров в разговоре с человеком по кличке Афгани назначил последнему встречу в Термезе, точнее, в городище старого Термеза. Чиркова тотчас вышла на связь с человеком Тараненко и назначила ему встречу. На следующее утро генерал Тараненко, прочитав сообщение, еще раз убедился, что умеет разбираться в людях и его не просто так называли «главным селекционером» Сухопутных войск.

Очередная встреча со специалистом в области тропосферной разведки носила прежний доверительный характер. Ольга Чиркова, одетая в военную форму, отвечала на вопросы генерала.

– Где произошла встреча с Бектемировым?

– В районе Мусан. Это в пятнадцати километрах от Кабула.

– Я знаю, где это, – покивал Тараненко, подливая в пиалу гостыи горячего чая. Он помнил строки из донесения ГРУ в адрес советского руководства в сентябре 1980 года: «В районе Мусан американские советники и специалисты принимают непосредственное участие в обучении мятежников тактике ведения боевых действий. За три неполных месяца США поставили афганской контрреволюции вооружения на сумму четыре с половиной миллиона долларов». Также в доне-

сении, свидетельствующем об «отменной работе советской разведки», говорилось о поставках тысяч химических гранат, которые «были распределены между представителями мятежников для использования в боевых действиях на территории ДРА».

– Где Бектемиров назначил повторную встречу?

– Там же, в Мусане.

– Бектемиров не стесняется в выборе средств. Для него взять заложника – что сморкнуться. Мне не хочется рисковать тобой, но я рискну.

Это заявление вызвало улыбку у обоих. Генерал продолжил:

– Связник или переговорщик, неважно, станет для Бектемирова гарантией честных переговоров. Надеюсь, ты это понимаешь.

Сергею Тараненко было очень выгодно ограничиться в этом деле минимумом игроков. Чиркова устраивала его и как информатор, и как связник, и как переговорщик. Не много ли для одного человека? Нет, был уверен Тараненко. Чиркова не простая смертная, она принадлежит к особому сословию разведчиков. Уникальная способность не пропадает с годами, может быть, даже укрепляется.

Он думал об этом в то время, когда капитан Ольга Чиркова возвращалась на самолете в Кабул. Не переставал думать и в тот момент, когда в пятнадцати километрах от столицы Афганистана четверо вооруженных людей наставили

на женщину автоматы, а Бектемиров коротко приказал ей, резко кивнув головой на «уазик»-«батон»:

– Садись в машину. Дорога в Термез долгая, и ты расскажешь все, даже то, о чем не знаешь.

Генерал Тараненко знал, по меньшей мере, два места, куда мог обратиться Бектемиров за консультациями, а в дальнейшем и получить там инструкции. Это, во-первых, американский учебный центр, дислоцированный в районе деревни Сарабруд, что в сорока километрах от Кветты, Пакистан. В 1980 году, когда было завершено строительство центра, там работали около двадцати американских советников. Они обучали афганцев тактике и методам ведения партизанской войны. Из официальной справки следовало, что «после подготовки лица, показавшие наиболее высокие результаты, направляются для продолжения учебы в США сроком на один год». За четыре года американский лагерь вырос и даже стал исполнять некоторые представительские функции американской разведки.

Вторая база с консульскими функциями находилась в Пешаваре.

И когда капитан Чиркова не вышла на связь, а спустя двенадцать часов из батальона связи в Теплом Стане пришло тревожное известие об исчезновении разведчика-топографа, генерал Тараненко не смог сдержать самодовольной улыбки: Бектемиров обратился за помощью к американцам и получил от них «добро». И он стал ожидать оговоренную с Чир-

ковой дату: следующая среда в городище старого Термеза, в том месте, где днями ранее Мурджалол Бектемиров встречался с неким Афгани. Чиркова, назвав Бектемирову место и время встречи с генералом, согласно жанру, уже ничего изменить не могла.

Операция из силового русла плавно перетекала в дипломатическое: генералу предстояли переговоры с деловым партнером. К тому же он страховал группу спецназа, и никто другой не смог бы прикрыть ее в случае непредвиденных обстоятельств.

Сергей Тараненко и Мурджалол Бектемиров встретились в городище старого Термеза. Это место генерал назвал географической загадкой. Отсюда ринулись в Афган около сотни военных соединений, чтобы стать «ограниченным контингентом». Следом в афганский Хайратон последовали Бектемиров и его братья. Здесь встретились Бектемиров и Тараненко, один из руководителей повстанцев и не последний человек в советском разведсообществе.

Насколько мог судить генерал, попытка Бектемирова и его людей выдать себя за местных жителей удалась. Впрочем, Бектемиров родился здесь, а на сторону повстанцев перешел в конце 1979 года, когда был доукомплектован до полного штата и прибыл в Термез понтонно-мостовой полк Киевского военного округа.

– Здравствуй, Мурджалол, – с неповторимой улыбкой приветствовал туркмена Тараненко.

Бектемиров был одет в старые брюки с вытянутыми коленями, задрипанный пиджак. Под одеждой угадывались очертания жесткой кобуры-приклада «стечкина», которую туркмен носил через плечо. Борода представляла собой двухнедельную щетину, под глазами синеватые круги.

– Ну и видок у тебя, – хмыкнул генерал. – Вчерашний вечер удался, верно?

– Что верно, то верно, – отозвался Бектемиров, мелко покивав. – Ты ведь генерал? Генерал Тараненко? Генерал Советской армии?

– Кто бы сомневался, только не ты. Иначе я прождал бы контрольный час и развернул лыжи. Ты согласился на встречу, и вот ты здесь, это и есть ответ на твои вопросы. Но я отвечаю конкретно: я генерал Советской армии.

– Не вижу логики в твоем поступке.

– Мир перевернулся, Мурджалол.

– Вот как?

– Ага. Я разведчик. И даже знаю, о чем ты мечтаешь. Но твоим мечтам не суждено сбыться: в этих краях война поселилась надолго. Не будет нас с тобой, придут другие, те, кому выгодно поддерживать огонь в очаге. Им будет наплевать, кто развел его, кому весело было смотреть, как горит дом соседа. Кстати, где мой человек?

Бектемиров, не сводя глаз с генерала, жестом руки отдал распоряжение. Боевики, стоящие за ним плотной стеной, расступились, пропуская двух человек. Коренастый туркмен, вооруженный ножом, демонстративно приставил к горлу Чирковой лезвие и надавил.

– Убери зубочистку, – распорядился Бектемиров. – Она и так напугана.

– Речь не о ней, правда? – спросил генерал. И обратился к Чирковой: – Как с тобой обращались?

– Как с пленницей, – лаконично ответила женщина. Она

округлила глаза, ничего не понимая. Она с оторопью смотрела на генерала – тот остался непроницаем, когда Бектемиров приказал увести ее. Как же так, недоумевала она, рискуя всем: своей жизнью, будущим своей семьи. Не будет ее, кем вырастет ее сын? И ради чего? Вот сейчас поняла, что не согласилась бы на предложение генерала даже ради *всего святого*. В эти слова она вложила такой глубокий смысл, что не могла объять его разумом, отчего на глаза проступили слезы.

«Он предал меня, он предал меня», – вихрем крутилось у нее в голове. Боевик развернул ее и подтолкнул в спину: «Пошла!» Она сделала шаг и повернула голову, рискуя свернуть шею, в сторону генерала. В ее глазах застыло проклятие, и она едва не плюнула в его сторону, едва не выкрикнула: «Сволочь! Мразь!» Она вовремя остановилась, прочитав в еле приметном жесте Тараненко: «Молчи». Она ломает ему игру. Как только Бектемиров увидит, что генералу на заложницу наплевать, он откажется от сделки. Стороны не придут к согласию, и ей конец в любом случае. Если она останется в руках Бектемирова, то ненадолго: с ней поиграют и пустят в расход. Если она вернется, то Тараненко ломает ей жизнь. Он не станет убивать, но сделает ее жизнь невыносимой, невыносимой настолько, что она сама наложит на себя руки.

Тараненко не собирался уламывать Бектемирова на сделку – он был заинтересован в ней, и все же несколько слов в этом ключе прозвучали.

– В Афгане ни тебе, ни тебе подобным жизни не видать. Тебя ждет либо изгнание в Иране, – он указал рукой вправо, – и более или менее спокойная жизнь, либо жизнь беспокойная в Пакистане, – жест в сторону границы с Афганистаном, но подразумевая юго-восточные рубежи. – Лови момент, Мурджалол, и принимай мое предложение. Ты сорвешь приличный куш, перепродав снаряды и мины в Иран или Пакистан. Можешь оставить их себе. Здесь, в Туркменистане, в стране басмачей, мощное оружие никогда не было лишним. Это все.

– Слава Аллаху. Я просил его, чтобы ты закончил поскорей.

Тараненко снова одарил Бектемирова усмешкой:

– Коран – твоя конституция. Пророк – твой вождь. Смерть во славу Аллаха – твое самое горячее желание. И вот ты, стоя на этом фундаменте, чего-то просишь у бога. Ничего не проси у него, иначе он даст больше, чем ты просишь.

«Уралы» стояли в железнодорожном пакгаузе, охраняемом командой Инсарова днем и ночью. Фундаментные блоки, из которых был возведен этот склад, защищали от солнца и не позволяли раскаляться воздуху внутри. Но внутри кабины «Урала», который в списке Михаила Шульгина проходил под номером один, было душно.

Шульц выбрался из кабины, где провел около часа, возясь со спидометром. Он походил на механика автосервиса, докладывающего клиенту о неполадках в машине, каким способом их удалось устранить и на сколько похудеет его кошелек.

– Один готов, – доложил он командиру. – Давай сверим цифры, чтобы не было недоразумений.

– Давай, – согласился капитан.

Шульц сел на подножку, прикурил и расправил на колене листок бумаги с записями. Инсаров пристроился рядом.

– До Мазари-Шарифа восемьдесят километров. Машины не доезжают до города пятнадцать-двадцать километров, где Бектемиров расплачивается с нами, и это наши условия. Но место передачи может быть за городом, а это лишние сорок километров. То есть счетчик на спидометре намотает сто двадцать километров.

Шульгин оригинально подошел к заданию генерала, кото-

рое сводилось к уничтожению товара и свидетелей, и вместо часового механизма решил использовать счетчик спидометра. Замедлители мин любого типа не годились в принципе, поскольку их, поставленных на завод, остановить было нельзя. Бектемиров и его «воины Аллаха» могли проверить каждый ящик со снарядами, общий вес которых составлял восемь тонн, но вряд ли генерал позволит ему разгружать, а потом загружать ядерные заряды, ибо причин можно было выдвинуть множество. Столько же причин мог найти Бектемиров, чтобы остановить колонну на любом отрезке пути. Он не слепой и сможет увидеть беспокойство в поведении советских спецназовцев, сопровождающих груз, по прошествии часа, а может быть, и двух.

Существовал и более простой способ избавиться от груза и свидетелей: последних убить, а заряды взорвать. Только в открытом бою жертв не миновать, и этот вариант даже не обсуждался.

– Сто двадцать километров, – повторил вслед за товарищем Виктор Инсаров. – Это предельное расстояние в переговорах Тараненко и Бектемирова, на большее генерал не согласится. Дадим басмачам уйти еще на двадцать километров.

– То есть получается сто сорок. Лады. Сделаю. Мне еще минут двадцать нужно на этот грузовик, и минут за сорок я управлюсь с другим. Останется провести провода в кузов и замаскировать их.

– Тебе нужны элементы питания к минам?

– Нет, – покачал головой Шульц, затапывая окурки. –

Подведу к взрывателям провода от аккумуляторов машин.

– Остроумно.

Шульгин немного помолчал, прежде чем спросить у командира:

– Ты думаешь о выгоде? О деньгах думаешь, Витек? Это дело принесет нам неплохие деньги. Может быть, купишь пару стволов для своей коллекции.

– У меня в коллекции только трофейное оружие. И вообще помалкивай об этом.

– Могила, – заверил Шульц, для наглядности начертав в воздухе крест.

Почти каждое задание приносило Виктору Инсарову оружие, захваченное у противника. Пользуясь тем, что его привилегированная группа никогда не досматривалась даже на подмосковных аэродромах, он привозил домой по одной единице. У него действительно скопилась порядочная коллекция, начавшаяся с пары американских пистолетов-пулеметов «ингрэм», которыми были вооружены некоторые мятежники. Гордостью его коллекции, как ни странно, стал советский бесшумный пистолет специального назначения «вул», разработанный всего год назад. Опытными образцами этого пистолета были вооружены и бойцы Виктора Инсарова, хотя предпочтение отдавали автоматическим пистолетам; «вул» был требователен к патронам – СП-4 с отсечкой газов. Два «вула» были «потеряны», о чем командир группы

написал в отчете на имя генерал-майора Тараненко: «...потери – нет. Ранен один человек. Выведено из строя и требуют замены два пистолета специальных „вул“, два автомата „АКМ“. „Зачем тебе оружие?“ – спрашивал Шульц. „Если хочешь мира, готовься к войне“, – уклончиво отвечал Инсаров.

– Так ты думаешь о выгоде? – повторил свой вопрос Михаил Шульгин.

– Стараюсь не думать. – Инсаров тоже взял минуту на размышление. – Знаешь, я часто слышал от генерала: «Ничего не проси у бога, потому что бог может дать слишком много».

– А вообще, работа непыльная. Я думаю, даже не в одни ворота, а в пустые.

– В пустые ворота еще нужно попасть, – ответил Инсаров, вставая. – Заканчивай тут.

Заключительному этапу операции предшествовала вторая встреча генерала с Мурджалолом Бектемировым. Сергей Тараненко не сомневался, что в Пакистане или Иране заинтересуются предложением одного из лидеров оппозиции, а это девять тонн мин и артиллерийских снарядов с ядерной начинкой. Пусть не сегодня и не завтра, а через несколько лет ядерные заряды пригодятся.

Бектемиров возглавлял «Партию Ислама», которая образовалась из «Джамиат-и-Ислами». Всех кандидатов в организацию с особой тщательностью проверяли и в обязательном порядке назначали испытательный срок. Бектемиров не был пуристом, человеком, стремящимся к «чистоте и строгости нравов». Он, в отличие от боссов, стоящих у руля солидных партий Афганистана, не заканчивал кабульских вузов и не преподавал богословие, не был вождем племени, но пошел своим путем. У него не было достаточной поддержки внутри Афганистана, поэтому, комплектуя боевое соединение, он рассчитывал на лагеря беженцев, на провинции в Восточном Афганистане, даже на «сочувствующих» из числа туркмен, проживающих на территории Туркменистана. И если его политические оппоненты открывали школы для девочек в Пакистане, Бектемиров, развлекаясь с девочками, не думал об их образовании.

Встреча произошла на прежнем месте. Со стороны «война Аллаха» двадцать вооруженных головорезов, на пять меньше – со стороны генерала Тараненко. Бектемиров, казалось, с тех пор не переодевался, не мылся, но подравнивал бородку, которая оказалась прежней длины. И Тараненко не упустил случая вдеть в эту бороду шпильку:

– Пророк Мухаммед, мир его праху, повелел в течение сорока дней отращивать бороду, иначе какой же ты истинный мусульманин?

Бектемиров не нашел ничего лучшего, как покачать головой:

– Господи...

Он протянул Тараненко руку, тот вытянул свою в сторону грузовиков и спросил:

– Хочешь посмотреть на товар?

Туркмен ухмыльнулся и медленно в сопровождении пяти боевиков прошествовал к «Уралам». Тараненко шел еще медленнее и оказался у заднего борта первого грузовика, когда Бектемиров начал искать его глазами.

– Открой борт, – приказал Тараненко Куннице.

Тот откинул тент, и Бектемиров в сопровождении двух товарищей залез в кузов. Открыл один ящик, убрал слой длинной и тонкой стружки и, включив фонарик, некоторое время смотрел на снаряд. Не оборачиваясь, спросил:

– «Кукол» в машине нет?

Тараненко звонко рассмеялся.

– Я хочу посмотреть на деньги.

– Расплачусь, когда увижу грузовики в двадцати или тридцати километрах от Мазари-Шарифа. Там поджидают нас с деньгами мои люди. Там же отпущу заложницу. Если ты забьешь, то я напому: на каждой входящей-выходящей дороге стоит до пяти контрольно-пропускных пунктов.

Генерал был готов к такому обороту: товар по одну сторону границы, деньги по другую. И даже предпринял меры к тому, чтобы через несколько часов пожелать Бектемирову счастливого полета.

– С каких это пор ты стал бояться патрулей? – спросил он. – Ты что, дрожал от страха, когда переправлял через границу заложницу? Разве для тебя не является секретом, что на КПП обычно дают деньги, чтобы машина не проверялась? Если на посту денег не берут и угрозы не действуют, кто вылезает из машины? Правильно – вылезают «духи», бесшумным оружием перебивают весь пост, отрезают телефонную линию, убирают трупы и отправляются дальше.

На этом генерал и построил заключительный этап операции. Он снабдил водителей документами на передвижение вплоть до Герата, который находился в ста с небольшим километрах от границы с Ираном. Однако документы зачастую и служили поводом к тому, чтобы проверить груз и потребовать деньги. Здесь годилась тактика моджахедов: убирать посты и отправляться дальше.

Генерал подозвал капитана Инсарова и сказал так, чтобы

слышали Бектемиров и его боевики:

– Сажай людей в машины. За Мазари-Шарифом проверишь деньги. Если обнаружишь хоть одну фальшивую купюру, убей их. Заложницу оставь Бектемирову. Мне она больше не нужна.

До Мазари-Шарифа расстояние составляло порядка восьмидесяти километров. «Уралы», два «уазика»-«батона» и «шишига» – «шестьдесят шестой» «газон» боевиков – добрались до города к пяти утра, выехав из Термеза в половине третьего. Еще двадцать километров, и колонна остановилась, увидев впереди несколько вооруженных людей из отряда Бектемирова. Инсаров помнил это место по одной из спецопераций. В трехстах метрах лежал «мертвый» кишлак с дувалом на отшибе. Скорее всего, именно там скрывались, поджидая колонну, боевики Бектемирова.

«Уазики», управляемые Мерзликиным и Куницыным, стали друг против друга, оставляя освещаемый светом фар пятачок десять метров в диаметре. На него, как на ринг, вышли четверо: Бектемиров со своим помощником, который встречал колонну с деньгами, и капитан Инсаров с Русланом Хакимовым. Зрители – вооруженные до зубов моджахеды и советские спецназовцы – окружили «поляну» и были готовы открыть огонь по команде.

«Дух», подстриженный под горшок, положил к ногам баул, который удерживал с трудом, и, одним рывком расстегнув на нем «молнию», отошел в сторону. Инсаров присел на корточки и вывалил содержимое на песок. Наугад выбрав пачку долларов, проверил ее.

– Будешь проверять все? – настороженно спросил Бектемиров.

Инсаров встал, отряхнул руки и покачал головой.

– Зачем? – И в свою очередь, но в стиле Тараненко, предупредил туркмена: – Если генерал попеняет мне на чистоту купюр, я найду тебя даже в Пакистане. Об этом можешь не беспокоиться.

Спецназовец складывал деньги обратно в баул, а Бектемиров, рассеянно глядя на то, как исчезают деньги в брезентовом мешке с грубыми лямками, ощутил в груди легкое бес-

покойство, как будто он что-то забыл сделать. Наконец до него дошло – в фоновом режиме в его голове крутилось имя заложницы – Ольга Чиркова. Генералу она не нужна. «Заложницу оставь Бектемирову», – припомнились его слова. Что же, на этом этапе советский разведчик переиграл его. А с другой стороны, никакой игры не было: Бектемиров сделал то, что сделал бы на его месте любой полевой командир: взял заложника при удобном случае. Чиркова и раньше была обузой, а теперь, когда спецназовцы отступили к машинам и погрузились в них, Бектемиров физически ощутил на плечах тяжесть. И он сделал то, о чем даже не помышлял ни один полевой командир. По его приказу из «шишиги» привели Ольгу Чиркову, одетую в чадру. В ней она была словно связана.

– Снимай чадру, – приказал он, глядя не на женщину, а вслед уезжающей машине. Вслед ей смотрело и встающее на востоке солнце. В ту сторону показал Бектемиров, чуть склонившись над Ольгой, и обронил на прощание последнее: – Молись.

«Воин Аллаха» уезжал, оставляя на этом пяточке земли, где совершилась самая удачная в его жизни сделка, беспомощную и уставшую за несколько дней плена женщину. Он не отпустил ее, но отдал в руки Аллаха. Если она умрет, так тому и быть, а если выживет и сумеет разоблачить генерала, что казалось делом невозможным, значит, и на это воля всевышнего.

«УАЗы» остановились, проехав шесть километров. Скорость у них была выше, чем у трехосных «Уралов» и «шишиги», и Михаил Шульгин – главный режиссер предстоящего зрелища, – не скрывая возбуждения, сказал:

– Еще пятнадцать-двадцать минут, и несколько тонн взрывчатки разнесут машины на атомы. – Он прокашлялся и совсем неплохо продекламировал строки из песни «Шестнадцать тонн»: – «Сидим мы в баре в полночный час, и вот от шефа летит приказ: „Летите, мальчики, на восток, бомбите, мальчики, городок“. Бог мой, я впервые взрываю ядерные заряды...

Машины оставили все спецназовцы. Они смотрели в сторону восходящего солнца, которое заслепило глаза и выбило слезы, и походили на группу вампиров. Солнцезащитные очки оказались только у Еретика, и он, бросив в рот щепотку насвая, не испытывал неудобств.

Начало представления затягивалось. Прошли не двадцать, а все сорок минут, и этому Руслан также нашел объяснение.

– «Уралы» либо плетутся с черепашьей скоростью, либо вообще не тронулись с места. Поэтому и счетчик-замедлитель не раскручивается. – Он нервно хохотнул, только сейчас понимая, какая опасность грозит им, если расстояние между ними и заминированными грузовиками осталось неизменным. Но его худшие опасения развеялись. Он тихо прошептал, как заклинание: – Сработало. Сработало...

На фоне яркого солнца зрелище, вызванное ядерным

взрывом, немного потеряло свою притягательность. И все же заворожило диверсантов. Фактически они смотрели на солнце и не смогли отметить момент «рождения жемчужины». Именно это увидел Михаил Шульгин. Солнечный диск породил сначала двустворчатую раковину, которая стремительно раскрывалась, пока в середине не показалось огненное ядро, в сотни раз ярче солнца. Оно сжигало, разрастаясь, верхнюю створку и превращалось в огненный гриб на черной обожженной ножке. Сжигало до тех пор, закручиваясь внутрь себя и все же продолжая расти, пока верхнее дымное кольцо не растаяло в небе. А дальше случилось самое удивительное: все пятнадцать человек увидели, как под шаровидной шляпкой гриба появляется сопло. Настоящее ракетное сопло, в котором пропадал смерч, поднимающийся с обожженной земли. И только потом раздался грохот взрыва. И только сейчас Шульгин вслух пожалел о том, что жар ядерного взрыва иссякнет в нескольких километрах от этого места. Все посмотрели на него, как на сумасшедшего.

– Это был самый дорогой фейерверк в моей жизни, дороже уже не будет.

Спецназовцы были готовы занять места в машинах, как вдруг Шульгин вытянул руку в сторону взрыва и, недоверчиво качая головой, сказал:

– Глазам не верю... Еще одна жемчужина родилась. Последний ответ на наш сжигающий вопрос.

Ольга бежала так быстро, будто знала о заминированных

машинах. Но ее гнал страх иного свойства: жизнь ее, как оказалось, держал в руках не именитый моджахед, а генерал Тараненко.

«Он бросил меня, он бросил меня». Она задыхалась от бега. Бежала по дороге, но боялась наступить мимо убегающего вдаль следа протектора, как путеводной нити. Он и привел ее к машине, которая и оставила этот след. Едва она увидела «узики» и генеральских «псов», она без сил опустилась на дорогу.

– Нет, – простонала она. – Нет, только не это...

Планы относительно Ольги Чирковой полетели к черту. Сергей Тараненко с трудом верил в благородство Мурджалола Бектемирова, больше походило бы на правду силовое освобождение заложницы. Ему не удалось убить разом двух зайцев.

Он уже уничтожил документы, свидетельствующие о том, что капитан Чиркова вылетела транспортным самолетом в Кабул и должна прибыть в расположение батальона связи, дислоцированного под Теплым Станом. Считай, вылетела за сферу интересов и полномочий Тараненко. Его покорила одна только мысль о том, что эта женщина могла поломать ему жизнь, доберись она до Кабула, перешагни она порог «координационного центра деятельности военных структур в Афганистане», где до Апрельской революции жил с семьей командир кабульского корпуса. Сергей Николаевич посчитал себя обязанным показать Чирковой, как она ошибалась на его счет, недооценив его. «Лучше бы ей бежать в сторону взрыва», – подумал генерал. Навстречу испепеляющему жару, который расплавил песок в радиусе пяти километров.

Он еще не видел Чиркову – она находилась под опекой его людей, но знал, что скажет ей при встрече: «От меня можно убежать, но нельзя спрятаться».

Он вызвал дежурного, попросил его связаться с аэродро-

мом и запросить двадцать мест на ближайший борт в Москву от его имени. Через десять минут дежурный доложил: магистральный лайнер «Ил-76» вылетает завтра в шесть тридцать утра, есть свободные места.

– Мне это подходит, – ответил Тараненко. – Займись вопросом отправки.

Едва дежурный вышел, генерал снова вернулся в то растерянное состояние, когда, ничего не поняв из доклада капитана Инсарова, велел ему повторить. И – снова полное замешательство. Ольга Чиркова находится здесь, на туркменской земле, тогда как Тараненко готовился увидеть ее на небе – еще одну яркую звездочку.

Его снова побеспокоил дежурный:

– Товарищ генерал, майор Кнышев на связи.

Тараненко снял трубку, поздоровался с комбатом и сказал, что его подопечная не скоро вернется в строй.

– Что случилось? – проявил обеспокоенность майор.

– Я рано утром вылетаю самолетом в Москву, – ушел от прямого ответа генерал. – У меня в столице есть связи в институте психиатрии. Надеюсь, у вас в этом плане все в порядке.

– Не скрою, да, – ответил майор. У него было две версии: либо Ольга по-настоящему сбрендила и ее поместят в лечебницу, либо она здорова, а лечебница является доказательством ее здравого рассудка. Психбольницы, институты психиатрии и прочие заведения – это секретные архивы спец-

служб, хранилища самых грязных дел. И майор не мог допустить, чтобы один из архивов пополнился заведенной на него больничной картой.

Он знал о генерале Тараненко очень немного. Но даже эта малость заставила его зябко повести плечами. Говоря сухим языком, Тараненко «на протяжении всей своей карьеры неоднократно подвергался ротации из подразделений, добывающих информацию, в обрабатывающие ее и наоборот»: в системе Главного разведывательного управления это естественный процесс. А ГРУ – не столько орган управления, сколько непосредственный исполнитель стоящих перед ним задач.

Исполнитель. Это слово в сочетании с грозной аббревиатурой заставило комбата Кнышева поскорее забыть о капитане Чирковой. Из сердца вон.

Москва

Ольгу накрыла волна страха, когда она перешагнула порог психбольницы. Для нее это заведение уменьшилось до размера склепа, до размера могилы, в которой ее похоронят заживо. Она была очень, очень близка к истине, но не имела представления о том, какие мучения ждут ее впереди.

На главврача клиники – тщедушного человека лет сорока по фамилии Шестков – она посмотрела как на своего палача. Ее глаза были полны страха, но не потеряли осмысленности. Его глаза были напуганы. Он часто озирался, как будто боялся темных углов, где затаились души замученных им людей. Но больше всего он боялся, как показалось Ольге, будущих жертв, того, что ему предстояло совершить. Коротко это называлось «страх перед будущим».

В этом заведении мебель была словно подогнана под нее. Стул, на который ее усадили, повторял линию ее испуганного тела: она сидела прямо, до боли, до судорог в спине и ногах, с каменным лицом.

Шестков наслаждался, выдавая свои потаенные чувства лишь трепетными, как у женщины, крыльями носа. Когда он говорил, они раскрывались, как поры, и трепетали. Если бы он позволил себе артикулировать, она не сомневалась, что услышала бы их перезвон. А так его голос заглушал звуки

колокольчиков.

Бред...

Ей уже вкололи первые дозы нейролептика, и он уже воздействовал на ее двигательные и оборонительные рефлексы. Она окунулась в состояние пониженной реактивности к «эндогенным и экзогенным стимулам», о чем сказал врач, сознание ее, однако, сохранилось.

– Как там наша подопечная?

Она узнала голос генерала Тараненко. В ее голову пришла странноватая мысль: она хотела на всю жизнь запомнить его бархатистый голос, в который она когда-то куталась, как в теплую шаль, а с другой стороны, она боялась его, боялась всего, что было с ним связано. И она пропустила ответ врача. Наверное, потому, что настроилась на один тембр, а другие не воспринимала. А вот и он.

– Ты не должен задавать вопросов – это раз. Правила игры здесь устанавливаю я. Да, мой дорогой. Но не в твоей больнице, как ты изволил высказаться, а в больнице, которой ты заведешь. Иначе сменишь кабинет на палату.

Затишье. Перед бурей.

Она совсем близко увидела глаза генерала, его губы, которые пришли в движение.

– Жизнь – как отпуск. Пролетит – не заметишь. Эй, ты меня слышишь?

На своей щеке она ощутила жар, затем услышала резкий звук. Пощечина. Как при грозе. Сначала ослепительная

вспышка, а грохот – спустя мгновения.

Зажгло с другой стороны. Еще и еще раз.

Потом генерал стал обвинять ее в том, чего она никогда не совершала. Он выдавал желаемое за действительное, как будто перехватил ее в приемной командующего Оперативной группой, а не в предместье Мазари-Шарифа. Такое чувство, что он летел в Штаты, а она, угрожая оружием, заставила пилотов посадить самолет.

– Как же я ошибался в тебе... Мне казалось, мы с тобой в одном порошке стираны. Но кто мог подумать, что ты готова воскреснуть по зову родины?.. Невероятно. Невероятно. Один человек, одно ничтожество едва не переломило мне судьбу. Но не жизнь. Не жизнь, ты слышишь? А ты уже умерла. Я разговариваю с покойницей. Думаешь, мне страшно смотреть в твои мертвые глаза?.. Мне стыдно перед собой...

Он пьян. Она поняла это, уже задыхаясь в коньячных парах, на которых его мысли мчались по кругу.

Бороться, бороться. Противиться ядам, которыми ее пичкают. Она что-то быстро сдалась. Пусть думают, что ее сломали, но это не так. Но кому рассказать о своей стойкости? А это важно. Очень важно, чтобы хоть кто-то из своих, пусть даже нейтральных, знал, что она держалась достойно.

Да, он пьет из своей любимой фляжки, сделанной из нержавеющей стали и обтянутой до середины кожей коричневого цвета. Пополняет ее и снова пьет.

– Покажи мне ее место прописки.

Они спускаются по влажным ступенькам. Нянечка при виде генеральской формы боязливо прижимается к стене; хочет прижать плотнее и ведро с грязной водой, и швабру...

– Мне это нравится. – Генерал поправился: – Мне это понравилось, когда я спустился сюда впервые. Ты еще не забыл, кто устанавливает здесь правила? Для начала установи для нее ознакомительный режим: пять суток в фиксации, трое суток отдыха. Я хочу, чтобы с каждым разом отдых становился все короче. Надеюсь, она не сойдет с ума до того, как ее передышки станут меньше минуты. Мне важно знать, что самым сладостным звуком на свете для нее являлся лязг пряжек фиксирующих ремней. Если мне суждено будет принять снотворное, я закрою глаза и представлю то, о чем только что сказал. И сон мой будет крепким. А теперь пора посмотреть первую серию этого многосерийного фильма. Зови санитаров.

Двое дюжих мужчин неопределенного возраста рывком подняли клиентку и на приличной скорости донесли ее до кровати-каталки, стоящей посередине широкого коридора, который среди персонала лечебницы назывался «холлом». Она не сопротивлялась, даже когда громилы сорвали с нее халат и надели на голое тело смирительную рубашку, перехлестнули длинные рукава, и она стала похожа на персонаж из ночного кошмара: ожившую марионетку. И вот ее запеленали так туго, как не смог бы паук запеленать свою жертву. Животный страх пришел вместе с прикосновением лопаток

к грубой поверхности кровати-каталки. Санитары-животные знали свое дело: *она была дважды смертельно напугана за один раз*. Едва ее лопатки ударились в жесткую поверхность, как тут же раздался обещанный генералом лязг пряжек привязных ремней. Вот сейчас, если бы господь бог позволил ей сойти с ума, она сошла бы, заржав, как необузданная кобыла, почувствовав на себе седока. Взбрыкнула бы крупом в отчаянной попытке достать любого, кто окажется позади.

И новое давление – грубых ремней: на руках, ногах, животе.

Она ждала смерти в любой миг. Торопила ее. Вырывала глазами шифрующихся за марлевыми масками врачей-убийц. У двух шприцы с безобидным препаратом, третий держит в руке шприц со смертельной инъекцией.

Ее безумные глаза встретились с глазами генерала. Он все-все понял. Он даже содрогнулся, словно когда-то уже проходил эту процедуру, а вот сейчас вспомнил. По его лицу скользнула тень сострадания. Все же он капельку сочувствовал своей подчиненной. Как военачальник, он посылал ее на верную смерть. И в голове женщины, которая впервые в жизни теряла сознание, вспыхнули слова генерала: «Ты готова воскреснуть по зову родины?..»

Она очнулась в полной темноте – так ей показалось. Она часто-часто смаргивала, словно зазывала огонек дежурной лампы за грязным плафоном с корявой надписью «Выход». Ее мысли летели не к желтушному огню, а к смыслу этого

слова.

Миг ее пробуждения растянулся до минут. Она была готова поверить в свой бред, что летит навстречу огню, как мотылек, но в реальность ее бросили слова санитаря:

– Она очухалась. Везем ее в палату.

– Да, – подтвердил второй. – Так сказал хозяин.

Один открыл широкую дверь со смотровым оконцем, другой вкатил внутрь холодной комнаты кровать. Поставил ее ровно посередине. Отошел, проверяя, и остался доволен своей точностью. Ослабился. Не опуская губ, поковырял в зубах длинным ногтем мизинца, вытащил что-то, осмотрел на ногте и снова отправил в рот, чавкнул.

Хлопнула дверь.

Она снова осталась одна. И завывала – протяжно, как волчица на полную луну. Прежде чем провалиться в обморок, она припомнила какой-то бред. Что-то вроде борьбы с ядом. Яд ей ввели по всем правилам коварства: в локоть. Губами не дотянешься, чтобы высосать отравляющее вещество.

Сегодняшний вечер и начало ночи выдалось на удивление беспокойным. Виктор Инсаров никогда не видел здесь, в этом полуподвальном помещении клиники, чтобы персонал задерживался больше чем на четверть часа. К полуночи, когда начинает активизироваться всякая нечисть, в отделение ввалился разнузданной походкой санитар, громила, каких еще поискать. Его рыхлое, пористое лицо, из которого можно было нашлепать пару сотен затычек для ушей, пришло в движение – так он дал знать, что не очень-то рад видеть постороннего. Виктор уважал его чувства и отвечал ему взаимностью.

Санитар подошел к двери палаты номер четыре, открыл ее и шагнул через порог. Инсаров окликнул его:

– Эй ты, харя! Разве тебе не положено спрашивать разрешение на вход в охраняемую палату?

Смысл длинноватой фразы доходил до него, как до бронтозавра, славящегося своим задним умом. Он сделал такую рожу, выпятив губу и уронив челюсть, словно учтиво осведомился: «Сэр?...» – а потом стал дожидаться указаний. Виктор вспомнил его фамилию – Груздев.

– Почему ты заходишь к больной без спроса, груздь хренов?

– К больной? – он с глубоким сомнением на своей роже

кивнул в глубь палаты.

– Ага, – подтвердил Инсаров, ответив не менее выразительной миной.

– А... – замялся он. – Я хотел проверить привязные ремни. Руки у *больной* тонкие. Она могла...

– Она не могла, ясно? – перебил Виктор. – Она в смирительной рубашке, а не в сорочке, о чем ты, наверное, думаешь не переставая.

Она лежала на кровати, спутанная так, что даже у закаленного спецназовца мурашки побежали по телу. *Он бы за десять минут сошел с ума, если бы оказался на ее месте.* Она не могла и пальцем пошевелить, закрученная в смирительную рубашку, пристегнутая к койке ремнями. И в таком положении она находилась больше трех дней. Виктор заступил на сутки. Работа не бей лежачего. Не нужно задавать клиентке никаких вопросов, просто давать знать о себе, появляться в палате в то время, когда она в сознании, когда она ест – чтобы кусок ей в горло не полез, когда санитар подкладывает под нее утку – чтобы она до посинения жилилась и проклинала обоих соглядатаев покрасневшими глазами и белесым от лекарства языком. Виктор и бойцы из его подразделения приходили к ней и во сне – он точно знал это.

За три месяца, что она провела в этой психушке, больше двух месяцев она провела в фиксации. Это ШИЗО в дурильнике. Дурильник внутри дурильника, что может быть хуже?..

Простыни под ней грязные, по структуре и толщине – бре-

зентовые, как пожарный рукав. И ремни такие же жесткие, заскорузлые. Пряжки устрашающего вида; они в руках гориллы-санитара могли лишить чувств даже «синяка», который каждый день просыпается в мокрых штанах и завтракает вчерашней блевотиной.

Отчего Виктор отмечал и прогонял в голове эти детали? Он не знал. Он сочувствовал этой бедной женщине, и это было самое легкое определение и самая большая ложь в его жизни. Он любил ее. Полюбил такой, какая она есть, какой он видел ее изо дня в день: больной, беспомощной. Он не мог не полюбить увядающий цветок с вживленными в него человеческими нервами. Он не мог объяснить своих чувств, откуда они взялись, почему растопили его холодную душу. Думал – может, пришла пора? Самая легкая отговорка, со вздохом, который, как и положено, ничего не решал.

– Проваливай, – поторопил он санитара. И, проводив эту снегоуборочную машину до выхода, зашел в палату.

Она не спала. Ее глаза округлились больше обычного, когда он сделал то, чего никогда раньше не делал, – закрыл за собой дверь, повернув в замке длинный ключ, и прикрепил лист бумаги на зарешеченном окошке, загородив его. Теперь их никто не видел, никто не мог войти в палату. Он подал ей знак, поднеся палец к губам: «Тсс...»

Очередные дни, что она провела в фиксации, измотали ее, она действительно угасала на глазах, и Виктор решился.

Он впервые дотрагивался до пряжек, отполированных

грубыми пальцами санитаров, хотя мысленно снимал с нее путы тысячу раз. И боялся смотреть на нее. Она наверняка проклинала его, видя в нем насильника. Этим страдают многие санитары, и горилла по фамилии Груздев, разумеется. Скольких больных он изнасиловал, пользуясь безграничной свободой в этом подземелье?.. Виктора даже перекорезило. И если бы он узнал, что санитар притрагивался к той, с которой он снимал ремни, он бы убил его на месте.

Виктор помог ей сесть в кровати, развязал рукава смири- тельной рубашки, не переставая качать головой: ее покор- ность все больше пугала его. Он снял с нее рубашку, попра- вил хлопчатую ночнушку, под которой успел разглядеть ро- зовые рубцы от ремней и складок от грубой фиксирующей одежды. Подал ей руку и улыбнулся.

– Давай походим. Не бойся. Хочу, чтобы ты знала: я не жалею тебя, я жалею себя. И спасаю не тебя, а себя. Иначе сойду с ума. Давай походим.

Она не сводила с него своих удивительно темно-синих глаз, похожих на две предгрозовые тучки. Казалось, сейчас они прорвутся соленым дождем. Виктор был готов подста- вить лицо под ее слезы, но с одним условием: чтобы слезы лились от счастья.

Ему подумалось, она прочла его мысли по его лицу, отто- го, наверное, он ляпнул:

– Только не растрогай меня.

У него хватило ума извиниться:

– Прости. Ты ведь видела меня раньше?

– Поэтому я должна тебя простить?

От неожиданности он чуть не упал. Никак не ожидал услышать ее голоса. А она продолжала удивлять.

– У тебя что, ботинки на клею?

Виктор отпрыгнул в сторону, давая ей дорогу. Она прошла по палате от двери к жесткой койке и обратно. Если бы он следовал за ней, был бы похож на рыбу-прилипалу, научившуюся передвигаться по суше.

– Хочешь пить? Я принесу воды. – И хлопнул себя по лбу. – У меня в термосе кофе, будешь?

– Было бы неплохо. У тебя есть сигарета?

– Без фильтра. «Прима». Подойдет?

– Ты еще спрашиваешь.

Он прикурил и подал ей сигарету. Она глубоко затянулась. У нее тут же мелко задрожали руки, стала подергиваться голова. Она быстро устала. Когда Виктор вернулся в палату с термосом и снова закрылся изнутри, она сидела на койке и покачивалась всем телом. Еехватило на пару затяжек, на пару фраз, на пару капель осмысленности, а дальше она впала в ступор. словно вскипели в ней лекарства, которые убили бы и слона.

– Кофе. – Он торопливо, проливая на бетонный пол, налил горячий напиток в пластмассовую крышку. – Он тебя взбодрит. – Ему пришлось постараться, чтобы напоить ее. Последний глоток она допивала, поддерживая крышку паль-

цами и касаясь его руки. – Тебе лучше?

– Привяжи меня.

– Господи... – Виктор весь похолодел.

– Я не тебя жалею, а себя, – вернула она ему должок. –

Спасибо тебе. Еще бы узнать твое имя...

– Виктор.

– Я так и подумала почему-то.

– Я не стану тебя привязывать. Ты ложись, выспись как следует. До утра никто не войдет к тебе.

– А вдруг?

– Что – вдруг?

– Тогда я лишусь даже пяти минут без этих чертовых ремней. Пять минут для меня важнее, чем целая ночь, понимаешь меня?

– Кажется, да.

На самом деле он понял ее, как себя самого. В ее противоречии крылась логика, от которой пахло вечностью. Пять минут – целая ночь – вечность. С ума сойти. Подтекст был более прозаичным – не попадись. Она права. Что будет, если сюда заглянет тот же вонючий санитар? Брать с него расписку о неразглашении или раскроить ему череп о шероховатую стену?

Он подарил ей маленькую надежду. Она будет ждать следующих пяти минут, думать о них, как о целой ночи, о вечности. Снова целая куча противоречий. Эти мысли помогли ему преодолеть отвращение к смиренной рубашке, кото-

рую он неумело надел на нее и перехлестнул рукава, к ремням, которые снова зафиксировали ее. Он не мог не поцеловать ее на прощание. Коснулся губами ее лба и тихо сказал: – Не знаю, зачем я это делаю.

«У тебя появился друг, у тебя появился друг». Он не сказал ей этих слов, но они проникали сквозь стены, сквозь тяжеленную дверь. Он почувствовал бы себя круглым дураком, если бы в эту ночь рискнул еще раз вкатиться в палату гордым Колобком, встретиться с ней взглядом, взглядом же и жестами показать ей: «Я тут. Не бойся, я тут все контролирую. Моя зона ответственности».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.